

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Борис Фирсов

Остановка движения страны
(1964–1985 гг.)

Препринт М-52/16
Часть I

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2016

УДК 316.323.72
ББК 63.3(2)63
Ф 62

Ф 62 Фирсов Б. М.

Остановка движения страны (1964–1985 гг.) / Борис Фирсов: Препринт М-52/16 (Часть I). — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 54 с. — (Серия препринтов; М-52/16 (Часть I); Центр исследований модернизации).

Доклад посвящен кризису советской общественной системы, четко обозначившемуся в период брежневского правления, который получил название «застоя». Дискурс этого периода опирается на идею «дряхления» режима, чьим лозунгом был развитой социализм, а истинной целью — выживание и сохранение статус-кво. Драматический разрыв между словом и делом во многом определился неспособностью высших эшелонов партийно-государственной власти обеспечить грамотное руководство жизнью страны. Не малую, а возможно, даже главную роль в этом сыграло суррогатное, узкое, интеллектуально бедное, социально ущербное, по преимуществу технократическое образование, носителями которого было большинство политических лидеров страны на финальном этапе ее существования.

Информация об авторе: Борис Максимович Фирсов — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге; firsov@eu.spb.ru.

© Борис Фирсов, 2016

Часть I, главы 1–5

Глава 1. Глядя на СССР из перестроечного времени...

Одна из лучших книг, посвященных застою периоду советской истории «Погружение в трясину»¹, содержит две статьи, ссылками на которые я хотел бы обозначить рамки моего доклада.

Первую из них написал поэт Наум Коржавин [Коржавин 1991]. Дефиниция времени, охваченного 1964–1985 гг., и по сей день вызывает затруднения. Но соглашусь с автором цитируемого и весьма примечательного эссе в том, что эта эпоха не была однозначной. С одной стороны, «какое-то развитие самосознания все же имело место», напишет поэт, но, с другой стороны, скажет он без колебаний, «это была очевидная остановка движения, задержка развития». Время неодолимо брало свое, размывало насильственно установленные идеологические рамки, однако «те, кому ведать надлежало, сами не совсем ясно представляли себе, что именно следует сдерживать» [Коржавин 1991: 6]. Потому и бдели, бдели очень жестко и ревностно, сохраняя тем самым власть сталинского самодержавия над всеми сферами жизни общества. «Сталинизма не умерла со Сталиным. И это ведь не просто шутка, что “брежневщина — сталинизм с человеческим лицом”... А как умудрялись сочетать “зрелый социализм”, который уже есть, с продовольственной программой, которая только через много лет накормит страну? И ничего — сходило. Никто, правда, не вслушивался, но говорили и писали это бодро. Привыкли за столько лет к бес-

¹ Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991.

смысле» [Коржавин 1991: 13]. Хотя в сталинские времена настойчиво твердили о «победе социализма в одной отдельно взятой стране». Разница формулировок не играет роли. И те, и другие социальные условия всегда одинаково интерпретировались в обращениях к народу как сбывшаяся мечта человечества о земном рае.

Рассматриваемая эпоха имеет еще одну выдающуюся черту — преобладание сталинских выдвиненцев у кормила власти. Они, как известно, никогда не отличались ни склонностью смущаться противоречиями, ни стремлением связывать концы с концами, слова с их смыслом, а говоримое с творимым. Иначе они никогда не смогли бы ни выдвинуться, ни держаться на плаву при своем отце и учителе. Вероятно, пишет Н. Коржавин, у сталинских кадров была своя трагедия — трагедия тех, кто в силу служебного положения должен был останавливать жизнь [Коржавин 1991: 8]. Однако глубинные человеческие переживания партийных кадров останутся тайной советской истории. Более типичным, особенно для сталинской эпохи, был напор и широкая распространенность массового полубразованного, часто полуграмотного самоутверждения кадров, правда, при наличии четко поставленных товарищем Сталиным задач партийной политики — важнейшей предпосылки для «безоглядных» действий, безоговорочного повиновения и демонстрации преданности вождю.

Более подробно канонические черты этого времени будут рассмотрены во второй статье, написанной социологами [Левада и др. 1991]. Они тоже подчеркнут, что уже на XXIII съезде КПСС (1966 г.) силы, которые осуществили «октябрьский переворот» в 1964 г., получили все, чего им недоставало (чаемую стабильность режима, гарантии карьерного продвижения, сохранение привилегий в обмен на лояльность режиму). Из Устава КПСС были выкинуты пункты о квотах обновления выборных партийных органов и предельных сроках пребывания на выборных постах. После хрущевской чехарды с назначениями и смещениями местоблюстителей всех уровней (от областного до общесоюзного) «владыки» областей, краев и республик могли вздохнуть спокойно. С трибуны упомянутого съезда прозвучали не единожды слова о том, что «нынешний стиль руководства партии вселяет чувство уверенности и умножает наши силы». Реванш партийно-государственной бюрократии всех рангов уровня состоялся. Годы ее неустойчивости, неуверенности, унижительной слабости окончились! Новые лидеры страны были признаны «своими». В ответ на это признание они старательно, вплоть до середины 1980-х гг., вычеркивали тот вариант развития, который приоткрылся было в 1950-е гг. [Левада и др. 1991: 19–20].

Период 1964–1985 гг., по мнению социологов, оказался итоговым и ключевым для понимания предшествовавших периодов, прикрывавшихся звонкими словами о великих успехах, грандиозных преобразованиях и еще более величественных целях. Именно эта эпоха станет застойным болотом, «куда впадают многие бурные и мутные потоки нашей послеоктябрьской истории» [Левада и др. 1991: 15]. Здесь произойдет кульминация и итог внеэкономического хозяйствования, недемократического управления и идеологического двоемыслия. Придя на смену другим периодам советской эры, «застой» был первым и единственным среди них, провозгласившим своей целью собственное самосохранение. Ключевым словом, словесным символом этой эпохи стала «стабилизация». Сам термин вошел в политический оборот после вторжения в Чехословакию (1968 г.). Он реально действовал и определил характер общества и его властей, включая социально-политические механизмы балансировки различных областей жизни. Таковым можно считать сочетание умеренных требований к качеству и культуре труда с умеренными ожиданиями в отношении его вознаграждения. Афористически это звучало как «мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что нам платят». Казалось, никто больше не требовал послушания и единомыслия, достаточно было соблюдения «рамки» допустимого. Избирательные политические репрессии, характерные для эпохи, ориентировались не столько на выжигание «красоты», сколько на поддержание условных (конвенциональных) рамок. На деле эта система многоярусных уравниваний была хрупкой [Левада и др. 1991: 16–17].

Пути властей и общества разойдутся. Представления властей о должном и допустимом будут становиться однозначно консервативными, а их поведение — охранительным. Общество пусть не сразу, но продолжит созревание — приступит к открытию себя и мира, выдвинет постепенно кристаллизующиеся идейные течения, начнет искать выход в социальной и политической активности. Без этого были бы невозможны ни март 1985 г., ни перестройка.

С формальной точки зрения изменилась традиционная линия по отношению к интеллигенции. Политика «кнута и пряника» нет-нет да и принимала характер «пряника и кнута». Однако линия «пряников» была, как правило, виртуальной и следов оставляла немного. Роль «пряников» выполняли заверения и декларации об укреплении союза партии и интеллигенции. Что касается линии «кнута», то она всегда оставалась более чем отчетливой. Особенно выделяются карательные действия высших эшелонов власти и идеологических инстанций в 1966–1969 гг. Их цель

состояла в том, чтобы предостеречь интеллигенцию, что ее будут лелеять за казенный счет или терпимо к ней относиться до той поры, пока она будет знать отведенное ей место в обществе (занятия своим делом). Всякий, кто решался нарушить «сделку» и тем посягнуть на «нерушимое единство партии и народа», неотвратимо подвергался клеймению, унижению, остракизму, преследованиям. Ярлык «отщепенца» — изобретение эпохи застоя. «Врагов народа» при Сталине уводили по ночам, и этим занимались уполномоченные на то органы государственной безопасности. «Отщепенцев» при Брежневе проклинали при свете дня, но силами трудовых, научных, творческих коллективов. Клеймением не гнушался и лидер партии. В своей речи на XXIII съезде КПСС он обрушил свой гнев на «ремесленников от искусства <...> которые избирают своей специальностью очернение нашего строя, клевету на наш героический народ» [XXIII съезд 1966: 83].

В результате не только расширился круг адресатов обличений, но и была создана обширная платформа идеологической борьбы, своим острием направленной против свободной мысли, свободного слова, против разоблачений сталинского периода. Далее последует сложный цепной процесс, в котором столкнутся интересы противоборствующих сторон — гонителей и гонимых. Позорный суд над Даниэлем и Синявским вызовет широкую волну общественного сочувствия осужденным литераторам. Коллективные письма в их защиту станут еще одним важным символом пробуждения научной и гуманитарной интеллигенции на этот раз в масштабе всей страны. «Подписантов» начнут преследовать — обвинять в подрыве государства и исключать из рядов КПСС. Реакция на это окажется непредсказуемой. Появится «Хроника текущих событий» — самое известное периодическое издание самиздата. По случайному совпадению время выпуска его первых номеров совпадет с «Годом борьбы за права человека», объявленным ООН. Так было положено начало диссидентскому движению в стране и регулярной «самиздатской» периодике. Власть не на шутку перепугалась. Вольные издания появлялись и прекращались из-за непрерывных преследований, процессы «отщепенцев» следовали один за другим. Однако начавшуюся радикализацию общественной жизни на основе борьбы за демократические права человека остановить было невозможно, тем более что мотивация этого вида гражданской активности непрерывно расширялась.

По мере расширения спектра настроений возрастала вероятность появления людей, которых было трудно запугать репрессиями по службе, купить карьерой, привилегиями, заграникомандировками или бог весть

чем еще. Именно для них с целью подавления их бесстрашия была разработана шкала репрессивных мер, отличавшихся суровостью². Горстка смельчаков не могла одержать в то время прямую победу над системой всеобщего устрашения, но система дала трещину. **Оказалась подорвана идея ее всемогущества, было доказано, что свободная мысль может звучать и быть услышанной.**

Существенным и даже, более того, формообразующим признаком эпохи застоя с самого начала стали юбилеи под аккомпанемент шумихи, поздравлений и награждений. Следом за юбилеями государственными стали отмечать юбилеи учреждений и отдельных лиц. Дожитие до круглой даты (а впоследствии — некруглой) воспринималось вершинным жизненным достижением. Здесь не обойдешься иронией, в юбилеях сокрыта некая общественная тайна: они изменили вектор славословия. Одно время славословие было связано с надеждами, обращенными в будущее. Затем пришло время упоения победами и успехами — не важно, были они реальными или очередными мнимостями эпохи. Затем, и в этом пафос всего, о чем пойдет речь, барабанная дробь в честь побед, достигнутых здесь и сейчас, смолкла, обществу предложили жить воспоминаниями о прошлом, будь то реальное или мнимое прошедшее — не принципиально. Его ведущее свойство — легендарность. Это было признанием, что эпохе стыдно хвалиться чем-либо из того, что происходит в вялотекущем настоящем или могло возникнуть в скомпрометированном будущем [Левада и др. 1991: 26–27]. Государственные нравы прошлого получили статус сакральных, следовало им поклоняться и воспевать их.

² В добавление к пресловутой статье 58-10 Уголовный кодекс РСФСР в 1966 г. обогатился антисамиздатской статьей 190-1, каравшей за «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» лишением свободы на срок до трех лет. Еще одна «новая» статья 70 УК РСФСР, перекочевавшая из кодекса сталинских времен, карала лишением свободы на срок до 7 лет за «агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти». Нетрудно угадать в этом страх правящей силы перед каким бы то ни было языком, осмелившимся существовать помимо языка монолитов. Но не только это. Брежневский режим сохранял патологическую логофобию, словобоязнь — отличительную черту культа личности. Страх вызывали коллективные действия в защиту прав и свобод. По этой причине в Кодексе появилась статья 190-3 «организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителям власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных общественных учреждений или предприятий». Наказание — три года заключения. Кроме демонстрантов, под статью подпадали участники забастовок.

Оттого безудержно начало использоваться слово «ленинский». Амальгамой имени великого вождя революции стали покрываться в первую очередь тексты и акции первоприсутствующих лиц. Попытка создать иллюзию непрерывности и преемственности власти и авторитета по схеме «от Ильича до Ильича» была заранее обречена на провал. Терпели фиаско менее крупные акции по возвеличиванию военных подвигов или литературных талантов стареющего на глазах бесцветного лидера. На это, однако, не обращали внимания, ибо требовался успех, с некоторых пор — рапорт об успехе, иллюзия создания иллюзии.

Ирония судьбы такова, что господствующая идеология накануне своего падения и краха, накануне исторической катастрофы на глазах всего народа и мира приобрела самые гротескные «юбилейные» черты. Попытка выдать «конъюнктурно-охранительную» политику сохранения статус-кво за проявление высшей государственной мудрости обернулась дискредитацией всех авторитетов, возведенных на высшие ступени почета стараниями коммунистической пропаганды.

История померкла, поблекли великие победы, славные свершения и, казалось, безупречные герои. Процесс — стародавний. Он начался в 1950-е гг., после смерти вождя и учителя. Но не успел завершиться полным протрезвлением общества и, самое главное, исследованием прошлого. Та же история лишила народ возможности увидеть сквозь далеко не совершенную критическую оптику XX и XXII съездов партии отдельные важные периоды истории (гражданскую войну, отечественную войну, коллективизацию и др.). Застой — период реставрации сталинского ореола, когда обозначился запрет на только-только начавшееся подробное изучение «сложного прошедшего». Речь не шла о том, чтобы втащить фигуру вождя на самодержавный трон. Ни трона, ни вождя не было! Но все же неосталинисты попытались вставить вождя всех народов в «священный ряд», сопроводив эту попытку тоскливой бесконечностью оговорок о «просчетах» и «отступлениях». Поступая так, идеологи решали две задачи. Во-первых, шли навстречу чувствам большого числа дезориентированных людей. Во-вторых (и это главное), они подтверждали «пошатнувшееся представление о единственно правильном пути и общей благотворности его результатов» [Левада и др. 1991: 27].

В языке застойного времени вновь получили прописку ключевые понятия пропаганды сталинского времени: возрастание руководящей роли партии, усиление идеологической борьбы, коренная противоположность двух систем, верность учению марксизма-ленинизма. Правда, громкое произнесение этих слов утрачивало прежнюю силу. Чем громче они про-

износились, тем меньше в них верили сами лидеры, тем сильнее они отторгались партийной и беспартийной массами — основными адресатами партийного слова.

Относительно спокойный период застойного развития в 1970-е гг. сменился фазой явного кризиса режима после начала афганской войны. Здесь, как утверждают мои коллеги-социологи, выявилась главная слабость советской общественной системы в апогее своего развития — **невоспроизводимость** [Левада и др. 1991: 30]. Неспособный к обновлению режим *дряхлел* вместе со своими лидерами. Новые поколения приходили с новыми для лидеров ценностями. Краткосрочное правление Андропова, отмеченное попытками чисто милицейскими мерами «навести порядок», ничего не изменило в основных параметрах системы и правящей пирамиды. Оно завершилось вознесением на высший пост еще одного беспомощного и бездарного умирающего старика. Неспособная к саморазвитию социальная система должна была сломаться. И это неотвратимо произошло после апреля 1985-го...

Глава 2. Накануне кризиса советской системы³

Перенестись в застойные времена помогает книга, написанная до кризиса советской системы в 1980-х гг. Ее автор — диссидент Андрей Амальрик, вернувшись из сибирской ссылки в 1966 г., высказывал эти взгляды сначала узкому кругу своих друзей, а затем изложил их в письмах в «Известия» и «Литературную газету» с просьбой предать письма гласности на страницах печати. Автором были получены любезные ответы. Обе редакции писали, что они не хотят этого делать, так как не разделяют ряда позиций автора. Но события в жизни страны и за рубежом подтверждали его правоту, и он не сдавался. В итоге возник замысел написать статью «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Информация об этом просочилась на страницы «Интернэшнл геральд трибюн» 31 марта 1969 г. Обыск на квартире у Амальрика 7 мая того же года хотя и затруднил рабо-

³ По материалам книги: *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // *Анатомия застоя* / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 643–674. Далее: [Амальрик 1991].

ту над статьей, но не остановил ее⁴. В предисловии к третьему русскому изданию своего труда автор напишет: «...я считаю приятным долгом поблагодарить сотрудников КГБ и Прокуратуры, делавших обыск, за то, что они не изъяли у меня рукопись этой статьи и тем самым дали возможность довести работу над ней до благополучного конца» [Амальрик 1991: 648]. Сочинение Амальрика, принесшее ему мировую известность, я рассматриваю как *«предчувствие застоя»*. Оно во многом созвучно экзистенциальному опыту переживания застойной эпохи, представленному в первой главе. Потому ничто не помешает мне считать диссидента Амальрика и авторов, поделившихся своими представлениями о пережитом ими брежневском времени, единомышленниками. Этот акцент не случаен. Диссиденты — первые ораторы-критики послесталинского СССР в воображаемом (виртуальном?) советском Гайд-парке. Именно так я понимаю мнение Амальрика о Советском Союзе, которое будет тезисно выражено далее.

Возмутители спокойствия (культурная оппозиция, самиздат, Демократическое движение). В нашей стране в 1952–1957 гг., пишет Амальрик, имела место «верхушечная революция». Пережив ряд напряженных событий (в том числе публичное осуждение Сталина, чистку органов госбезопасности, массовую реабилитацию политзаключенных, польский и венгерский кризисы 1956 г. и др.), она закончилась политической победой Хрущева. Важна историческая деталь. Страна при этом оставалась безучастной. Борьба имела место «наверху», «снизу» не раздавалось ни одного голоса несогласия⁵. «Низ» как бы жил в ожидании своей судьбы, к чему его приучила сталинская эпоха. Но все-таки «верхушечная революция» расшатала монолит системы и уже к концу 1950-х обозначилась новая независимая сила, которую Амальрик назвал *«культурной оппозицией»*⁶. Об этом говорили явления разного культурного порядка и значимости, но их объединяла одна общая, генерализующая чер-

⁴ Работа Амальрика впервые была опубликована на русском языке в Нидерландах. Издатель Alexander Herzen Foundation, Amstel, Amsterdam, 1969.

⁵ Правда, стали появляться подпольные группы с оппозиционными программами, такие как группа Краснопевцева, арестованная в 1956 г. Однако в силу своей нелегальности и отсутствия гласности протест каждой такой группы был достоинством только ее малочисленных членов.

⁶ Амальрик имеет в виду публикацию романа «Доктор Живаго» Б. Пастернаком, издание журнала «Синтаксис» Александром Гинзбургом, публичные чтения стихов на площади Маяковского в Москве, выставки таких независимых художников, как Зверев или Рабин, появление большого числа исполнителей и авторов песен, разо-

та: направленность против официальной культуры. Режим огрызался, борьба с культурной оппозицией, как правило, завершалась его победой: писателей заставляли «каяться», издателей (редакторов) снимали с работы, выставки закрывали. Однако взять верх в целом режиму не удалось [Амальрик 1991: 647–648]. В итоге возник феномен коллективного действия, противостоявший не только и не столько официальной культуре, сколько идеологии и политическим практикам режима. Имя этому феномену — *самиздат*. Произведения самиздата в десятках, сотнях и тысячах экземпляров расходились по всей стране. Хватило всего пяти лет для того, чтобы совершилась эволюция от самостийного распространения произведений художественной литературы «ограниченного пользования» к тиражированию документов, принимавшему все более определенную и заметную общественно-политическую окраску, бросавшему вызов государству, его политике. Естественно, что режим быстро распознал большую опасность для себя самиздата, превышающую опасность культурной оппозиции, и вступил в борьбу с ним. Тем временем самиздат постепенно подготовил новую самостоятельную силу, которую можно рассматривать как настоящую политическую оппозицию режиму. Это — *общественное движение*, ставшее называть себя *демократическим*. Оно будет зародышем политического сопротивления режиму.

Амальрик приводит причины, в силу которых Демократическое движение могло так называться. Во-первых, оно само себя так называло (при этом организация не создавалась), имело руководителей, активистов и опиралось на значительное число сочувствующих; во-вторых, ставило перед собой цели и избирало определенную тактику (и то и другое страдало расплывчатостью); в-третьих, хотело работать в условиях легальности и гласности в отличие от больших и маленьких подпольных групп [Амальрик 1991: 648].

Триаду идеологических платформ, вокруг которых в конце 1960-х гг. объединялись участники движения, представляли: «подлинный марксизм», «христианская идеология» и «либеральная идеология»⁷. «Подлин-

шедших по всей стране с помощью магнитофонных лент (Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий и другие).

⁷ В более умеренной форме все эти идеологии проникали и в близкие к режиму круги — в партийный и государственный аппарат. Я склонен считать, что «диссидентский» доклад Хрущева XX съезду КПСС был вызовом неограниченной власти партии и государства, поставившим под сомнение советский социальный миропорядок, советскую систему общественных отношений. Другое дело, что он остановился на «полпути» не в силах оторвать страну от цепей сталинского наследия.

ный марксизм» предполагает, что режим извратил в своих целях марксистско-ленинскую идеологию и перестал руководствоваться учением марксизма-ленинизма в своей практике. Отсюда требование возврата для оздоровления советского общества к истинным принципам этого учения. «Христианская идеология» предполагает переход в общественной жизни к христианским нравственным принципам, трактуя их в славянофильском духе и с претензией на особую роль России. «Либеральная идеология» предполагает переход к демократическому обществу западного типа с сохранением принципа государственной и общественной собственности на средства производства [Амальрик 1991: 649].

К моменту начала латентной артикуляции этих идей (конец 1950-х гг.) они не имели четких границ и зачастую переплетались одна с другой. И даже в этом аморфном виде оставались достоянием относительно небольших групп людей. Однако есть много признаков того, что в самых широких слоях народа ощущалась потребность во взглядах, которые служили бы опорой негативному отношению к режиму и его официальной доктрине. Не менее актуальным был запрос на поиск конструктивных идей, способствовавших оздоровлению общества. К концу 1960-х гг., которые являются рубежом становления Демократического движения, оно не смогло предложить отчетливой программы, однако все его участники подразумевали одну общую цель: в стране должен господствовать правопорядок, основанный на уважении прав человека [Амальрик 1991: 650].

Собственно говоря, и сами события, которые можно считать началом (рождением) Движения, были связаны с протестами общественности против несправедливого осуждения Галанскова и Гинзбурга, которых большинство протестантов не знали, что не мешало им предъявить режиму требования большего правопорядка и уважения прав человека. Все это имело место в 1968 г.⁸ Всего под коллективными и индивидуальными

Менее масштабные примеры показывают, что попытки «снизу» изменить эту систему к лучшему периодически наталкивались на сочувственное отношение аппарата, а то и на серьезную критику действий высших руководителей страны. Эта критика заметно обострилась в период брежневского правления (см., напр., Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008), когда, по сути, она стала отражать настроения всего общества.

⁸ Но попытки массовых легальных действий имели место и раньше, по-видимому, с 1965 г. Это демонстрация 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве с требованием гласности суда над Синявским и Даниэлем (участвовало около 100 человек, никто не был арестован, но группа студентов все же исключена из Московского университета). Второй пример: коллективное письмо в правитель-

письмами, по подсчетам Амальрика, подписалось 738 человек (профессии 38 из них остались неизвестными). Среди «подписантов» с установленными профессиями ученые составили 45%, деятели искусства — 22%, инженеры и техники — 13%, издательские работники, учителя, врачи, юристы — 9%, рабочие — 6%, студенты — 5% [Амальрик 1991: 650–651].

В абсолютных величинах картина выглядела следующим образом: ученых — 314 (докторов наук — 35, кандидатов — 94, без степеней — 195); деятелей искусства — 157 (членов официальных союзов — 90, не членов — 67); издательских работников, учителей, врачей, юристов — 65 (редакторов — 14, служащих — 14, учителей — 15, врачей — 9, юристов — 3, лиц тех же профессий, но вышедших на пенсию — 7, мастер спорта — 1, священник — 1, председатель колхоза — 1); рабочих — 40; студентов — 32. Подсчеты (приблизительные) велись на примере книги «Процесс четверых» — сборника документов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, составленного и прокомментированного П. Литвиновым. Амальрик учитывал каждого человека только один раз, вне зависимости от того, под сколькими заявлениями или протестами он поставил свою подпись. По оценкам Амальрика, число подписавших все заявления и письма с требованиями соблюдения законности, начиная с писем по делу Синявского и Даниэля (1965–1966 гг.) и кончая протестом против ареста генерала Григоренко (1969 г.), превысит тысячу [Амальрик 1999: 651].

Появление среднего (образованного) класса. Амальрик не ошибся, считая, что в СССР имело место складывание «класса специалистов», от которого зависело в значительной степени развитие экономики и науки страны. Это — люди, обеспечившие себе и своим семьям относительно высокий по советским меркам уровень жизни; обладающие профессией, дающей им уважаемое место в обществе, культурой и способностью здраво оценивать свое место в обществе, равно как и само общество в целом. Сюда относятся лица свободных профессий, такие как писатели и артисты, научные сотрудники и организаторы науки, управленцы, экономисты

ственные инстанции в 1966 г. с петициями о смягчении участи Синявского и Даниэля, а также коллективное письмо против введения новых статей в Уголовный кодекс (речь о статьях 190-1 и 190-3), подписанное видными представителями интеллигенции (видимо, поэтому никаких заметных репрессий не было!). Наконец, демонстрация 22 января 1967 г. на Пушкинской площади с требованием освободить арестованных за несколько дней перед тем Галанскова, Добровольского, Лашкову и Радзиевского (участвовало около 30 человек, пятеро было арестовано и четверо осуждено на срок от 1 до 3 лет по нововведенной статье 190-3 [Амальрик 1991: 650].

[Амальрик 1991: 652]. Этот класс ко времени описываемых событий начинал, по-видимому, осознавать свое единство и заявлять о себе. Анализ авторов и участников различного рода петиций и протестов по делу Галанскова—Гинзбурга позволяет говорить о том, что представители «среднего класса» ясно осознавали необходимость правопорядка и встали, невзирая на опасности, которые их ожидали, на путь публичного выражения требований, адресованных режиму, обеспечить этот правопорядок.

Однако реальная поддержка Движения «средним классом» была осложнена воздействием исторических факторов. Один из них — планомерное на протяжении нескольких десятилетий устранение, вычеркивание из жизни советского общества наиболее активных и независимых его граждан. Это устранение имело место в форме эмиграции и высылки из страны, тюремного заключения, а то и физического уничтожения. Оно затронуло все слои нашего народа, отложив на них отпечаток серости и посредственности, включая заново формирующийся «средний класс». Второй исторический фактор — своего рода культ собственного бессилия перед силой режима. Даже та часть «среднего класса», которая в конце 1960-х гг. осознавала необходимость демократических перемен, постоянно обращалась к самоспасительным мыслям в качестве декларации жизненных позиций («все равно ничего не поделаешь», «стену лбом не прошибешь»). Третий фактор — господство стереотипов служебной (чиновничьей, сервильной) психологии в самых широких слоях работающего (занятого) населения [Амальрик 1999: 652].

Советский сервильизм как мировоззрение государственных служащих («Мы все работаем на государство») и философия всеобщего послушания закрепляли примат государственного перед личным, правила практически всей человеческой массой. «Средний класс» и его представители не составляют в указанном смысле никакого исключения. Здесь имел значение тот непреложный факт, что многие члены «среднего класса» попросту являлись функционерами партийного, советского, государственного аппарата. Как следствие, они смотрели на режим как на меньшее зло по сравнению с болезненным процессом его (вынужденного) изменения [Амальрик 1991: 652].

Таким образом, мы сталкиваемся с интересным явлением. В нашей стране уже есть социальная среда, представителям которой могли бы стать понятными принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления, которая в них практически нуждается и которая уже поставляет зарождающемуся демократическому движению основной контингент участников. Однако в массе своей эта среда *посредственна*.

Ее мышление столь «очиновлено» (этатизировано), а наиболее в интеллектуальном отношении независимая ее часть столь пассивна, что успехи Демократического движения, опирающегося на эту среду, оставались, по Амальрику, весьма проблематичными [Амальрик 1991: 653]. В этом состоял тогда «парадокс среднего класса».

Одновременно заслуживает упоминания «парадокс режима». Режим подвергался внутренним изменениям, особенно заметным в предвоенное пятилетие. Наблюдалась регенерация политической элиты путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Этот «противоестественный отбор», сопровождавшийся одновременно вытеснением из правящей касты наиболее смелых и самостоятельных, породил становившееся все более слабым и нерешительным поколение бюрократической элиты. Привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать с целью прийти к власти, бюрократы, наконец получившие ее, умели удерживать власть, но не умели ею пользоваться. Не в силах придумывать новое, они всякую свежую мысль рассматривали как покушение на свои права. По всей видимости, это состояние власти соответствует достижению некой «мертвой точки», когда само понятие власти не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией, а лишь с властью как таковой. Иными словами, ни за какой государственной институцией или должностью не стоит ничего иного, как только сознание, что эта институция (должность) — необходимая часть сложившейся системы. Подобный режим не может иметь (во всяком случае, во внутренней политике) никаких целей, кроме тех, что обеспечивают его самосохранение. Режим не хочет ни «реставрировать сталинизм», ни «преследовать представителей интеллигенции», ни «оказывать братскую помощь» тому, кто ее не просит. Он хочет только одного: чтобы все было по-старому, когда признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, а сама система не расшатывалась опасными и непривычными реформами. Режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем. Его цель: пусть все будет, как было. Пожалуй, это самая гуманная цель, которую режим ставил за последнее столетие, но в то же время и наименее увлекательная [Амальрик 1991: 653–654].

Дряхление режима. Таким образом, все еще пассивному «среднему классу» противостоит пассивная бюрократическая элита. В теории она может продержаться очень долго, отделяясь небольшими уступками и ограниченными по масштабу и тяжести репрессиями⁹. Упомянутое статус-

⁹ Это будет иметь место в течение всего правления Л. Брежнева и изменится лишь после прихода к власти М. Горбачева.

кво имеет название — квазистабильное состояние. Оно нуждалось в правовом оформлении, основанном на молчаливо-покорном понимании всеми членами общества того, что от них требуется, или же на писаном законе. В сталинские и даже в хрущевские времена действовало правило: сверху исходила и ощущалась некая тенденция, с помощью которой аппарат мог постоянно опираться на конъюнктурные соображения, а всем «прочим» предлагалось понимать, что от них хотят. Это не мешало иметь декорацию из законов, из которых всякий раз брали нужное в данный момент.

Однако постепенно «молчаливое соглашение», как неперенное правило общественной жизни по инициативе «верха» и с согласия «низа», стало заменяться более устойчивыми «писаными» нормами. По своей ли воле или по воле народа, «верх» ощутил необходимость известного правопорядка. Это произошло уже в период ограничения роли госбезопасности и массовых реабилитаций после смерти Сталина. В следующие десять лет проводилась формальная, вялотекущая законодательная деятельность: «расширились» сферы практического применения законов, имело место «обновление» судебных и следственных кадров. Однако прогресс в этой области был осложнен тем, что власть самочинно из тех или иных прагматических соображений издавала указы и распоряжения, находящиеся в прямом противоречии с только что подписанными ею международными конвенциями и одобренными основами советского законодательства. Еще одно препятствие — острейший дефицит достаточного числа практических работников с пониманием идеи и принципов правопорядка. Третий барьер — сословный эгоизм практических работников, который заставлял их противиться решительно всему, что могло бы как-то ограничить их влияние и покончить с их особым и исключительным положением в обществе. Четвертый барьер — факт, согласно которому идея демократического правопорядка не имела корней в юриспруденции советского государства и тем более находилась в противоречии с провозглашенными доктринами «классового подхода» ко всем явлениям в обществе [Амальрик 1991: 655].

Начатое «сверху» движение в сторону правопорядка постепенно увязало в бюрократической трясине. Но совершенно внезапно голоса о необходимости соблюдения законов раздалась «снизу». Не кто иной, как грядущий «средний класс» (кстати, единственный в тогдашнем советском социуме субъект, кому была понятна и нужна идея правопорядка) стал, хотя и робко, требовать, чтобы с ним обращались не в зависимости от текущих нужд, а на «законной основе». Собственно говоря, тут и обнаружилось, что в советском законодательстве существует широкая «серая полоса» вещей, формально законом не запрещенных, но на практике

считавшихся запретными. Например, общение советских граждан с иностранцами, занятия немарксистской философией и несоцреалистическим искусством, попытка издания литературных машинописных сборников, устная и писаная критика отдельных учреждений системы¹⁰.

В сущности, этой констатацией гласному обсуждению были преданы массовые внесудебные репрессии и выборочные судебные. К первым следует отнести увольнение с работы и исключение из партии. Например, в течение одного месяца было уволено с работы свыше 15% всех лиц, которые подписали разного рода петиции с требованием соблюдения законности на процессе Галанскова–Гинзбурга, а почти все члены КПСС из них исключены из партии. Выборочные судебные репрессии имели своей целью запугать тех, кто в равной степени мог бы им подвергнуться. Трюк состоял в том, что человек, совершивший с точки зрения режима (и суда!) более криминальные поступки, мог остаться на свободе, тогда как менее виновный — сесть в тюрьму, если его осуждение требовало меньших бюрократических усилий или по конъюнктурным соображениям представлялось более желательным. Также получила распространение такая омерзительная (иначе не назовешь) репрессивная мера, как принудительное помещение в психиатрическую клинику.

«Серая полоса» стала источником двух противоположных по смыслу действий. Режим стремился ее «зачеркнуть», прибегая для этого к дополнениям к Уголовному кодексу, к проведению показательных процессов, к даче инструктивных указаний работникам судебно-следственных учреждений. Иными по смыслу были действия представителей «среднего класса». Они «разбеливали» полосу, делая те вещи, которые ранее считались невозможными, и постоянно ссылаясь при этом на их законность. В итоге режим был поставлен в сложное положение: ему приходилось решать новую и сложную дилемму: считаться со своими собственными законами в интересах стабилизации или, напротив, нарушать их, чтобы противоборствовать тенденциям демократизации.

Так или иначе, но движение в сторону правопорядка и некоторая либерализация режима имели место и отразились на личной свободе граждан, расширении полномочий руководителей учреждений и предприятий, расширении рамок творчества деятелей культуры и искусства. Это породило некую «идеологию реформизма», позволявшую думать и считать, что путем постепенной замены старой бюрократической элиты более интеллигентной и здравомыслящей произойдет своего рода гуманизация со-

¹⁰ От критики в целом систему заботливо оберегали ст. 70 и 190-1 УК РСФСР.

циализма и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная. Теория, основанная на предположении о «победе разума» и убеждении, что «все будет хорошо», была одно время популярна в академических кругах и среди тех, кому жилось неплохо и кто понимал, что быть сытым и свободным лучше, чем голодным и несвободным [Амальрик 1999: 656].

Однако мы знаем, что история — в частности, русская — отнюдь не была непрерывным торжеством разума, а вся человеческая история не означала постепенного прогресса. Некий сознательный план либерализации оставался мечтой. Общество не имело такового, а вместо коренных реформ наблюдались отдельные попытки «заткнуть дыры» путем разного рода «перестроек» бюрократического аппарата. В теории либерализация могла бы быть стихийной и представлять собой систему постепенных уступок режиму обществу, демонстрацию своих намерений приспособиться к велениям времени, к бурно изменяющимся условиям жизни и развитию современного мира. Но и этого не было. Режим считал себя совершенством и потому сознательно не хотел ни меняться, ни тем более уступать кому-то и чему-то [Амальрик 1999: 657].

Происходящий на наших глазах процесс увеличения степеней свободы, писал уверенно Амальрик, правильное было бы назвать процессом **дряхления режима** [Амальрик 1999: 657]. Он уже не может подавлять все и вся с большевистской запальчивостью. Однако если считать имеющее место послабление не обновлением, а дряхлением режима, то их логическим результатом будет его смерть, за которой последует анархия. Если же рассматривать эволюцию режима как возрастание энтропии, то Демократическое движение можно было бы отнести к разряду антиэнтропических явлений. Это позволяет считать, что Движение, несмотря на репрессии, сумеет стать влиятельным, найдет нужную структуру и приобретет многочисленных сторонников. Рассуждая таким разумным способом, нельзя, по крайней мере, сейчас, в реалиях середины 1970-х гг., забывать, что социальная опора Движения — «средний класс» (более точно, лишь часть его) остается слишком слабым и внутренне противоречивым, чтобы Движение когда-либо могло вступить в единоборство с режимом и сумело организовать общество по-новому (в случае самоликвидации режима или его падения вследствие массовых беспорядков).

Констатация слабостей Движения лишь подчеркнет важность вопроса о том, может ли оно рассчитывать на поддержку народа. Поиск ответа осложнен общей низкой осведомленностью о настроениях в широких слоях граждан страны. «Пассивное недовольство» — вот первичная фор-

мула ответа, притом что недовольство направлено не столько против режима в целом, но против частных сторон, которые вместе с тем есть необходимые условия его существования. Рабочих может раздражать их бесправие перед заводской администрацией. Колхозников — полная зависимость от председателей сельхозартелей. Всех людей — имущественное неравенство, низкие заработки, плохие жилищные условия. Это раздражение, несомненно, снимается прежде всего благодаря интенсивному жилищному строительству. Но не факт, что уровню благосостояния ничто не угрожает. Не забудем, что мы приняли идею одряхления режима и потому не должны сбрасывать со счета вариант, при котором режиму с большим трудом будет даваться увеличение производства, что станет угрожать росту уровня жизни многих слоев населения. Какие формы примет тогда народное недовольство? Форму легального демократического сопротивления населения или экстремистскую форму вспышек одиночных и массовых протестов? [Амальрик 1999: 658].

Еще один важный тезис: каким был народ? В силу разных исторически обусловленных причин русскому народу остаются непонятными многие принципы современной жизни, давно усвоенные массами населения западных стран. Народу почти совершенно непонятны идеи самоуправления, равного для всех закона и личной свободы [Амальрик 1991: 658]. Слово «свобода» понимается большинством наших сограждан как синоним слова «беспорядок», как возможность совершения каких-то антиобщественных и даже опасных поступков. Недоумение вызывает неуважение прав человеческой личности. Уважать можно силу, власть, ум, образованность, но что ценность представляет сама по себе отдельно взятая личность, которая в отечественной истории всегда была средством, но никогда целью, об этом речи быть не могло [Амальрик 1991: 659].

Значит ли это, что народ не имеет никаких позитивных идей, кроме идеи *сильной власти*, которая всегда права, потому что сильна, и которая не дай Бог ослабеет! В мироощущении русских особое место принадлежит идее *справедливости*. Власть, которая думает и делает за нас многое, должна быть не только сильной, но и справедливой, люди должны жить по справедливости и поступать по совести. Но при всей привлекательности этой идеи она и все, что за ней стоит, представляют наиболее деструктивную сторону русской психологии. Справедливость на практике оборачивается желанием, чтобы «никому не было лучше, чем мне», ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем тот, которым живем мы. Рудименты этой психологии наиболее типичны для крестьян, наименее — для нарож-

дающегося «среднего класса». Но крестьяне и вчерашние крестьяне составляют большинство в нашей стране! Приходится признавать, что эти близкие народу идеи — идея силы и идея справедливости — находятся в противоречии, являются враждебными демократическим идеям, замешанным на индивидуализме. Объяснение их живучести надо искать и связывать с низким культурным уровнем народа; с господством массовых мифов, распространяемых через средства массовой информации; с социальной дезориентацией большей части людей (рабочие как собственники своих микрохозяйств и батраки гигантских анонимных предприятий, то же о крестьянах, порвавших со старым укладом и не прибывшихся к новому урбанизированному образу жизни) [Амальрик 1991: 659–660].

Но главное состоит в трудности понимания того, имеются ли у большинства народа помимо чисто материальных какие-либо нравственные критерии — понятия «честно» и «нечестно», «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло», якобы извечно данные, которые являются сдерживающим и руководящим фактором, когда рушится механизм общественного принуждения и человек оказывается предоставлен самому себе. Таких критериев по ряду причин нет. Христианская мораль с ее понятиями добра и зла выбивалась из народного сознания, делались попытки заменить ее навсегда «классовой» моралью, которую можно сформулировать примерно так: хорошо лишь то, что требуется в настоящий момент власти [Амальрик 1991: 660]. Заслуживает упоминания и то, что Россия заимствовала христианство не у молодой, динамично развивавшейся западной цивилизации, а у закостеневшей и постепенно умиравшей Византии, что повлияло впоследствии на русскую историю.

Но даже и эта хрупкая оболочка (христианская идеология, носившая в России едва ли не полуязыческий характер) отмерла, не заменившись идеологией марксистской. Марксистская доктрина слишком часто перекраивалась и приспособлялась для очередных практических нужд, что мешало ей стать живой идеологией.

Сейчас, когда пишутся эти строки, по мере заметного роста бюрократизации режима происходит деидеологизация (девальвация), обесценение доктринального марксизма. Но все же потребности в идеологии номинально остаются, их нельзя изъять из практики непрерывно совершающегося государственного строительства. Однако самих идей оказывается немного, неприкосновенный официальный запас идей такого рода оскудел. Одна из них — постепенно признаваемая и набирающая силу доктрина великорусского национализма с присущим ему культом силы и экспансионистскими устремлениями, с заменой врагов теперь уже не классовых

(американские империалисты и антисоветчики) на национальных. Эта доктрина, хотя и даст режиму временную опору, должна считаться опасной (головоломной) для многонациональной страны, в которой русские составляют менее половины населения [Амальрик 1991: 661]. Чем же руководствуется народ без религии и без морали? Он начинает верить в собственную национальную силу, опираясь при этом на силу своего режима, которую он сам боится испокон веку¹¹.

Конечно, в теории есть противовес этим разрушительным тенденциям. Общество можно представить как трехслойный пирог (верхний слой — бюрократы, средний — класс специалистов, нижний — рабочие, колхозники, мелкие служащие). От того, насколько быстро пошли бы рост среднего класса и его самоорганизация (быстрее или медленнее, чем разложение системы), зависела способность советского общества перестроиться мирным путем и пережить надвигающиеся катаклизмы конца XX в. Но о развитии этого ресурса преобразования социальной системы никто в стране, за исключением диссидентов, не думал и тем более не предпринимал никаких мер [Амальрик 1991: 662].

Предостережение вместо итога. По мере все большего ослабления (самоуничтожения) режима ему придется иметь дело с двумя действующими разрушительно в отношении него силами — конструктивным движением среднего класса и деструктивными действиями низших классов (если эти низшие слои почувствуют свою безнаказанность) [Амальрик 1991: 663]¹². Пойти на радикальные изменения режим не сможет, поскольку

¹¹ В конце 1960-х гг. потребность в националистической идеологии не только ощущалась режимом, но и относительно независимо от него начала формироваться в обществе по инициативе официальных литературных и художественных кругов в качестве их реакции на значительную роль евреев в советском официальном искусстве. Впрочем, такая реакция отличала и более широкие слои, центром которых был клуб «Родина». Амальрик условно назовет эту идеологию «неорусофильской», сознательно не желая отождествлять ее в полной мере со славянофильством и «христианской идеологией», с ее изначальной ориентацией на интерес к русской самобытности, веру в мессианскую роль России и крайне негативное отношение ко всему нерусскому. Неорусофилия не была инспирирована «верхом» и возникла в «низах». Поэтому в 1970-е гг. режим относился к ней с некоторым недоверием. Запрет фильма «Андрей Рублев» отражает эти настроения режима.

¹² Этот прогноз Амальрика не сбывался. Реформаторские действия первыми приняли «верхи» — Горбачев и его окружение. В силу вступила поколенческая причинность. Именно она наделяет грядущие поколения непредсказуемой исторической силой, поднося социуму многочисленные и неожиданные сюрпризы — в частности, меняет людей.

ку в таком случае придется решать проблему самообновления. Ему останется пассивно идти на минимум изменений (они потребуют меньших усилий, будут казаться менее опасными, отвечающими иллюзиям нынешних кремлевских мечтателей). Не сможет режим пойти и на серьезные экономические реформы, Для этого ему пришлось бы усилить в руководстве страной роль экономистов-прагматиков. Но Амальрик предостерегает: **«Всякая существенная перемена означала бы сейчас персональные замены сверху донизу, поэтому понятно, что лица, олицетворяющие режим, никогда на это не пойдут: сохранить режим ценой самоустранения покажется им слишком дорогой и несправедливой платой»** [Амальрик 1991: 663].

Режим будет действовать по формуле перехода от кровавого сталинского динамизма к ложной стабильности — синониму неизменности, то есть к застою. Говоря о том, как долго просуществует режим, Амальрик заметит, что и сейчас существуют тенденции, которые в начале XX в. вызвали как первую (1905 г.), так и вторую (1917 г.) русские революции. Это — «кастовое и немобильное общество; окончательность государственной системы, вступившей в конфликт с потребностями экономического развития; бюрократичивание системы и создание привилегированного бюрократического класса; национальные противоречия в многонациональном государстве и привилегированное положение отдельных наций» [Амальрик 1991: 663–664].

Идеология в позднем советском обществе. Определим идеологию как социально значимую систему идей, поддерживаемую той или иной группой и служащую закреплению или изменению общественных отношений. И хотя наблюдается деидеологизация части общества, все же трудно представить себе отдельного человека и тем более социальную группу вне начатков идеологии, вне политизации внешнего мира и поиска в нем своего места. Большевистская революция с ее пролетаризацией «внизу» и бюрократизацией «наверху» постепенно породила общественную систему с деидеологизированной массой и принудительной идеологией, принятие которой было пропуском в «верхи». В сороковые-пятидесятые годы какое-то живое идеологическое движение наблюдалось только на стыке деидеологизированных масс и обрядовой (ритуальной) идеологии верхов в виде подпольных марксистских групп, стремившихся вернуть марксизму в России революционный, а не охранительный характер. Тогда казалось, что никакая иная идеология, кроме марксистской, не может привиться на советской почве. Но уже в конце 1960-х гг. не где-нибудь, а в советском обществе появились сначала аморфные, а затем

более определенные идеологии, *вовсе не связанные с марксизмом* либо *раздвигающие его рамки*. Случайным данный процесс не назовешь. В качестве причин этой трансформации можно назвать усложнение советского общества, избавление (частичное) от идеологической нетерпимости сталинского периода истории и неспособности официальной идеологии реагировать на радикальные изменения страны и мира. Таков результат влияния русских добольшевистских традиций и западного влияния. Однопартийность системы и единовластие КПСС не позволили этим идеологиям стать «знаменем» новых политических партий. К тому же новые течения слишком медленно набирали своих открытых сторонников, длительное время оставаясь на «утробной» стадии возможного развития [Амальрик 1991: 676]¹³.

Однако и эмбриональная фаза оппозиционных идеологий говорит о многом. Прежде всего потому, что новые идеологические течения сделали проблематичным положение официальной идеологии (последняя начала меркнуть на их фоне, терять свое главенствующее положение). В политических дискуссиях 1970-х гг. обозначатся расхождения в оценке ее роли. Партийная власть будет считать, что она все еще имеет решающее значение для определения государственной политики, другие будут уверены, что она служит камуфляжем для прагматизма деидеологизированных верхов. Сам Амальрик считал, что она выполняет промежуточную (обрядовую) роль, утратив позиции единого идейного начала (канона) *de facto* и *de jure*. Ее сила, приобретенная за годы господства тоталитаризма, по инерции продолжала сохраняться, и нельзя сказать, что «наверху» и «внизу» не было людей, для которых она оставалась бы идеологией в подлинном значении этого слова. Вторая важная причина — известный плюрализм социально-философских взглядов, который постепенно пришел на смену монизму (единовластию) доктринального марксизма-ленинизма, единственно правильного и непобедимого учения.

Этот плюрализм следует связать с артикуляцией идеи *либерализма*, носителями которого станут наиболее независимые и уверенные в себе люди, социально — лица свободных профессий и лица заинтересованные в свободе частной инициативы. Еще один признак этого плюрализма *национализм* — подчеркнутое (открытое) отождествление себя рядом людей со своей нацией, вследствие которого другие нации рассматриваются как

¹³ Средством и оружием политической борьбы они станут позднее, в условиях перестроечного СССР и пришедшей ему на смену Российской Федерации.

нейтральные или чужеродные образования. В итоге только часть людей продолжала отождествлять себя с *марксизмом* и классом, к которому они принадлежат. В головах властей придерживающих эта идеология постепенно перерождалась и становилась идеологией партocrats, номенклатурных работников, склонных весьма агрессивно защищать завоеванный ими статус-кво [Амальрик 1991: 678].

В наиболее общем случае либерализм, национализм, марксизм имеют интернациональную (универсальную) форму и потому могут рассматриваться как суперидеологии [Амальрик 1991: 676–682]. Однако они же обретают права гражданства в качестве собственно идеологий — точнее сказать, становятся доктринами в границах отдельных государств (обществ). Амальрик проделал серьезную работу, предложив «советизированный» вариант каждой из них и построив некоторую систему, где можно выделить «левое» и «правое» крыло.

(А) Рассмотрение суперидеологий Амальрик начал с официального **«неосталинского марксизма»**, протянутого сквозь игольное ушко ленинской теории захвата власти и сталинских практик ее насильственного удержания, а затем «просеянного наследниками Сталина брежневской поры сквозь прагматическое сито. Социальная группа, поддерживающая эту идеологию, — партгосаппаратчики центра. С конца 1960-х ее наиболее репрезентативной фигурой был М. Суслов.

(Б) Следующая (тоже официальная) идеология — **«неосталинский национализм»**. Это своеобразный национал-большевизм, джинн, выпущенный из бутылки «дружбы народов» в послевоенные годы «под знаменем марксизма-ленинизма», с одной стороны, и лозунга «пусть осеняет вас знамя Суворова» — с другой, тянущийся к свету в сторону все большего русского национализма с осовремененными «старомосковскими» идеями сильной «отеческой» власти. Как и в первом случае, опорой этой идеологии составляет партгосаппарат, но во многом провинциальный. Роднит его с неосталинским марксизмом общая идея консервативного бюрократизма. Ввиду стремления советских руководителей к деперсонализации, назвать наиболее видную фигуру трудно. Однако кандидата на эту роль Амальрик наметил. Это — В. Гришин (как и Суслов, он входил в состав брежневского Политбюро ЦК КПСС).

(В) Затем следует неофициальная идеология — **«неославянофильство»**, пропитанное верой в исключительность России, в необходимость возвращения к старым русским (домарксистским) и вообще дозападным традициям, к исконному православию. Она несет на себе зачатки целостного мировоззрения и едва ли будет в случае расцвета терпимой к другим

идеологиям¹⁴. Она же до известной степени враждебна двум официальным идеологиям, однако шовинизм связывает ее с «неосталинским национализмом». Как идеология националистического толка она может опираться на широкие слои населения — полуинтеллигенцию города и деревни. Поскольку понятия «традиция» и «нация» весьма сильно связаны с языком, лучшие и наиболее яркие ее выразители — писатели, российские литераторы, среди которых наиболее характерной фигурой предстанет А. Солженицын.

(Г) Двигаясь следом за воображаемой часовой стрелкой, можно обнаружить неофициальную **«социально-этническую идеологию»**. В ее «бульоне» преобладают идеи социальной справедливости, однако они выводятся не столько из экономических постулатов, сколько из неких нравственных постулатов. С неославянофильством ее связывает вера в особую роль России, убеждение в том, что Россия дала (даст) миру образцы человеческого общежития. Приходится признать, что эта идеология традиционна и в таком качестве не может не опираться на народные чувства. Она же является питательной средой для многочисленных интеллигентов, разочаровавшихся к началу 1970-х гг. в марксизме.

(Д) Идеи гуманизма и осознание ценности человеческой личности связывают левое крыло «социально-этнической идеологии» с **«либерально-демократическими взглядами»**. Последние сложились в значительной степени под влиянием западного либерализма. Вот почему эта идеология считает желательной постепенную трансформацию советской системы в демократическое и плюралистическое общество западного типа с учетом исторически сложившейся структуры собственности и с сохранением действенного контроля государства и общества над экономикой, включая поэтапное развязывание частной инициативы. Социальная опора этой идеологии — значительная часть «среднего класса» (понятие, только частично совпадающее с привычным для России словом «интеллигенция»). Сюда относятся все, кто достаточно энергичен и образован для того, чтобы не только не потеряться в свободном обществе, но и добиться определенного успеха. Представителями этой идеологии можно считать А. Сахарова (ближе к левому крылу) и Ю. Орлова (ближе к правому крылу).

(Е) Следующая неофициальная идеология — **«либеральный марксизм»** — связана с либерально-демократическими взглядами и общей идеей правопорядка, то есть установления строгого соблюдения законов,

¹⁴ Время подтвердило прогнозы Амальрика.

гарантирующих права человека. Иными словами, «либеральный марксизм» — это идеология «социализма с человеческим лицом» применительно к Советскому Союзу. Она предусматривает демократизацию и плюрализацию общества при сохранении марксизма как ведущей идеологии и компартии как ведущей политической силы. Социальная опора и среда поддержки этой идеологии — значительная часть воспитанного на усовершенствованном марксизме среднего класса, куда войдут многие партийные функционеры и менеджеры. Наиболее видный представитель правого крыла этой идеологии — П. Григоренко, левого — Р. Медведев. Примечательно заключительное суждение Амальрика. «Либеральный марксизм» соединяется с «неосталинским» общей идеей построения социалистического общества. Эта связь есть что-то вроде узенькой трубочки между сообщающимися сосудами, по которой могут «переливаться» приверженцы этих идеологий. Таким образом, колесо идеологий замыкается.

Завершая описание этой схемы, полезно подчеркнуть ее условность вследствие фактической размытости каждой идеологии, неопределенности социальной стратификации советского общества и *de facto* низкого уровня реальной идеологизации советского общества, хотя к этому понятию прибегают буквально на каждом шагу. Если считать молодежь, как часто делают, индикатором общественных настроений, то в целом она наиболее безразлична по отношению к идеологии как таковой. Впрочем, эта деидеологизация представляется явлением временным, «идеологической воздушной подушкой» между умирающей идеологией большевиков и той, которая придет ей на смену. «Не исключено, что молодежь восьмидесятых годов будет крайне идеологизирована», — заметит Амальрик. Последнее касается того, что понятие «идеология» было, есть и остается далеко не однозначным. Идеологии, представленные облеченными властью аппаратчиками и, к примеру, несколькими десятками диссидентов, — это во многом разные феномены. То же самое можно сказать об идеологии в плюралистическом обществе и как будто бы о той же самой — в тоталитарном. Они далеко не идентичны [Амальрик 1991: 681].

Надвигающаяся кризисная ситуация в стране может быть вызвана прежде всего экономическими трудностями — замедлением роста производительности труда, неспособностью сельского хозяйства производить необходимое стране количество сельскохозяйственной продукции, ростом долгов Западу, снижением золотовалютных резервов страны, принципиальной невозможностью перенастройки системы планирования и экономического управления в рамках жесткой политической структуры,

апатией трудящихся масс. Кажется очевидным, что более прагматичному и более терпимому следующему поколению власти идеи «либерального марксизма» покажутся меньшим злом, чем варианты развития, которые будут отстаивать другие идеологии. Впрочем, трудно сказать, насколько далеко зайдет данный процесс, если допустить, что он начнется. Этому московскому варианту Пражской весны будет явно не хватать исторических либеральных традиций, которые поддерживало население Чехословакии во время событий 1968 г. Если же процесс пойдет и увенчается успехом, то по мере стабилизации будет набирать силу «либерально-демократическая идеология» [Амальрик 1991: 683]. Но это только гипотеза, заявленная автором в 1975–1976 гг. Это один из немногих тезисов Амальрика, который не найдет подтверждения в процессе создания Российской Федерации. Начиная с 2000-х, новое российское государство будет сдерживать развитие либеральных идей.

Глава 3. Архаические черты политической культура в брежневском СССР¹⁵

Глубины прошлого притягивают поверхностные слои настоящего. В пользу этой мысли высказался американский историк Эдвард Кинан (Keenan), обнаруживший черты сходства политической культуры допетровского и советского времен [Keenan 1986]. Стародавние обычаи сохранились в послереволюционном мышлении, русская политическая культура возникла во второй половине XV в. и с того момента шла своим неповторимым путем вплоть до брежневской поры. Есть ли здесь нечто такое, чему следовало бы удивиться и уделить внимание, — таков вопрос, который ставит Даниэлс перед собой и своими читателями.

¹⁵ Содержание главы опирается на книгу: *Даниэлс Р. В.* Взлет и падение коммунизма в России. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011 (Серия «История сталинизма»). Далее: [Даниэлс 2011]. Роберт Винсент Даниэлс (1929–2010) — историк СССР, профессор Университета штата Вермонт (США). Его книга является сборником аналитических статей, посвященных важнейшим периодам советской истории. Для меня она послужила камертоном, позволившим настроить на нужную волну дискурс застойного времени.

С одной стороны, это сходство представляется вполне естественным. Антропология давно делит культуру на «эксплицитную» и «имплицитную», признавая тем самым, что есть черты культуры, которые глубинно определяют некие скрытые, если угодно, смыслы народного поведения и народных обычаев, а также то, как сам народ объясняет их. Таким образом, на микроуровне все выглядит «прилично». Иное дело макроуровень, где определенную силу приобретают идеологические доктрины, являющиеся базой для политического руководства (власти). Подводить эту формальную идеологию под концепцию культуры было бы неправильно. Субкультура коммунистического руководства, советской бюрократии и идеология власти не совпадают. «Например, диктатура пролетариата — это идеология, а не культура, зато авторитаризм с его ставкой на насилие — и впрямь аспекты культуры. Та же история с социализмом, который следует отличать от его русской подосновы в виде антипатии к частному предпринимательству и возложения ответственности за все на государство» [Даниэлс 2011: 296–297].

Прилагая понятие политической культуры к советской действительности, многие отечественные и западные исследователи понимали ситуацию как сознательную попытку власти (режима) внедрить в сознание народа новую и (по дерзкой большевистской гипотезе) навсегда заданную культуру взамен старой (буржуазной). Идеология для них играла роль независимой переменной, которая формирует изменение культуры. В реальности все было наоборот, утверждает Даниэлс. Менялось оперативное, текущее на данный момент значение идеологического канона. К этому толкали события в жизни общества (например, рост националистических настроений), требуя от «верхов» прагматичного ответа, но пересмотренная идеология все равно оставалась отражением старой политической культуры в новом обличье. «Действительная идеология сталинистов, и донныне живучая, пронизывающая наше общественное бытие и повседневный “частный быт”, школьные учебники газеты и беллетристику, — это идеология авторитарной бюрократической партийности, великодержавного шовинизма, прагматической беспринципности в толковании истории, современности, экономических или этических проблем...» — писал диссидент-германист Копелев [Копелев 1982: 50]. Она отстоит очень далеко и от старого большевизма, и еще дальше от всех разновидностей марксизма, будь то старые или новые его версии.

Понимание политической культуры, к которому апеллирует Даниэлс, не столь просто, чтобы можно было ограничиться констатацией факта ее

длительного влияния через сохранение неосознанных поведенческих проявлений. Да, она была русской версией культуры традиционного общества с ее акцентами на родственных отношениях, наследственной сословности и извечной потребности верить в того, кто воплощает власть. Она подобно другим аналогичным культурам впитывала новый для нее чужой опыт. Старые отложения в ней могли разрушаться. Но в случае России внешние культурные заимствования были сильно ослаблены революционными потрясениями. Более того, большевистская власть как перчатка пришлась впору старой конструкции российского государства (в смысле централизации, желания контролировать все сверху донизу, концентрации власти на вершине властной пирамиды и особого стиля распоряжения властью). Даниэлс, ведомый Кинаном, а также зарубежными визитерами в Россию, дипломатами, журналистами, движется из прошлого к настоящему в поисках явлений, находящихся во власти непрерывности их существования, уверенный в том, что они будут говорить сами за себя. России всегда был нужен сильный самодержец, и потому Сталин не отличался ничем от сильного монарха допетровской России¹⁶. Вечными, неизменно повторяющимися являются способы гашения народного недовольства: делать все, чтобы народ смирился со своей ролью при сложившемся порядке вещей, не смел вообразить никакой альтернативы и в конце концов принял этот порядок в качестве естественного и незыблемого. Насилие системы охватывает собой все и начинает считаться неизбежным, а благодаря привычке — допустимым. Сохранилась традиция соблюдать секретность в отношении политических решений, выработки политики и того, кто этой политикой занимается. Здесь высшая должность в петровской табели о рангах — действительный тайный советник — будет символизировать высший уровень иерархии, обозначая тех, кому власть могла доверять участие в решении дел государственной важности.

Пикантный вопрос — олигархическая политика соперничающих кланов под прикрытием мифа о нерушимом политическом единстве. Толкование советской политической культуры в терминах «групповые интере-

¹⁶ Сходство советских обычаев с обычаями царской России не вызывает сомнений. Но тирания Сталина была беспрецедентной. Состязаться с ним в насилии над обществом и народом не смог бы ни один из российских монархов. Другой по масштабам всевластия была сталинская бюрократия. Другими были институты советского общества при вожде всех народов. Сталин и сталинщина — особый случай истории.

сы», «конфликтная модель», «партиципаторная бюрократия» и др. отражает сохранное состояние старорусского способа борьбы за власть через близость к правящему дому, всегда под эгидой, под прикрытием преданности, подчинения и сплоченности. Существенно, что правила этих борений за власть и бытия вокруг власти всегда тщательно охранялись (в научной литературе их называют конвенциями для занятия должностей чиновниками определенного ранга). Еще одна важная параллель между Московией и СССР — гипертрофия роли государства и согласие с этим общества. Замещение государством гражданского общества составляет историческую оригинальность России, равно как и навязывание одного-единственного учения (сначала в православии, а затем и в марксизме). Особо следует сказать о ксенофобии, когда русские смотрят на остальной мир с подозрительностью аутсайдеров, провинциальной ограниченностью, завистью, нетерпимостью, с бездумным слепым патриотизмом. Еще одна черта — отсутствие представления о достойной отставке, затворничество жен вождей [Даниэлс 2011: 300–301].

Но все-таки перед революцией 1917 г. наблюдались изменения в сторону западных моделей экономики, политической жизни, образа мыслей¹⁷. На уровне культуры эти изменения происходили сверху вниз и не затрагивали массу рабочих и крестьян. В то же время сами возмутители спокойствия — революционеры, социал-демократы под новыми ярлыками усваивали множество старорусских форм (других они не знали, как это сейчас имеет место в России, где возрождаются и усиленно используются, казалось, отжившие модели советской системы. — *Б. Ф.*). Так что социализму было относительно нетрудно «приноравливаться» к старорусским традициям, тем более что выстраивался он вокруг деспотического государства [Даниэлс 2011: 302].

¹⁷ Первые годы XX в. были временем структурного кризиса развития России (противоречие между меняющимся обществом и неизменной застывшей формой правления). Кризис был усилен культурной раздвоенностью страны (вестернизация, начавшаяся при Петре I, коснулась только высших и средних классов, образованных и владеющих собственностью). Но именно против них была направлена революция. Традиционный конфликт враждующих классов (политический и экономический), буржуи и пролетарии, дополнился, усилился конфликтом культурным. Правда, большая часть революционных бунтарей состояла из вестернизированных интеллигентов, чей конечный политический успех был одновременно и ударом по культурным истокам их собственного, обновленного самосознания. Но это скорее парадокс, опасный своей реальностью!

Остается выяснить, почему революция не подавила имплицитную культуру. Четыре тезиса историка М. Реймана (M. Reiman)¹⁸ помогут Даниэлсу решить эту важную задачу [Reiman 1976: 10–19].

Тезис первый. Задача построить и создать крупную индустрию, изменить основу всей жизни дореволюционной России была по силам вовсе не тем, кто жил в начале XX в., а тем, кто должен был появиться на общественной арене — крупной промышленной буржуазии, новым либеральным элитам российского общества. Царизм мешал нарождавшейся буржуазии прийти к власти. Развитие среднего класса также сдерживалось. Его идеологическое и политическое влияние на большинство населения оставалось слабым. Сверх того, представители среднего класса, если они и были, в самой малой степени отражали интересы народной массы — рабочего класса, крестьянства и мелких производителей (наиболее многочисленной части населения страны в целом). Описанная ситуация не была уникальной для того времени. Добавим сюда собственно слабость нарождавшейся буржуазии, а также тот непреложный факт, что в городах буржуазии противостоял рабочий класс, выступавший под лозунгами борьбы за социализм. Крестьянство и мелкие производители искали свою политическую репрезентацию за пределами собственно буржуазных (либеральных) течений и поддерживали эсеров. И хотя цели, интересы, статусы рабочих, крестьян и мелких производителей всех видов не совпадали, между ними было много общего. Это позволило провести демаркацию — связать революцию с низами, массами неимущего населения [Reiman 1976: 12].

Тезис второй. В России после 1905 г. будут иметь место два тектонических сдвига. Один произойдет в лагере бедноты и неимущих. Здесь ведущим элементом станут городские рабочие, носители социалистической идеи, что отразится на природе созревания революции. Второй сдвиг — возникновение условий для дальнейших эволюционных изменений в сторону капиталистических отношений, которые уже в период, предшествовавший Первой мировой войне, могли ослабить самодержавную власть и имперский порядок. Но война зачеркнула эту мирную возможность и привела к полному разрушению системы русской жизни, к противоречиям, закончившимся Февральской и Октябрьской революциями. Дуализм революционного (насильственного) и мирного (эволюционного) сдвигов от-

¹⁸ Михаил Рейман, историк из Института истории социализма в Праге, где он работал до того, как под влиянием событий 1968 г. был вынужден эмигрировать на Запад.

ражал принципиальный дуализм российской жизни. Несмотря на то что революционный фронт против царизма и старого режима был объединенным, плебейские черты намечающегося сдвига стали преобладать над буржуазными и демократическими (европейскими) чертами [Reiman 1976: 13].

Тезис третий. Большевики были единственной силой, поддерживавшей плебейский (социалистический) переворот. Советские историки объясняют победу Октябрьской революции в терминах и языке целенаправленных усилий партии большевиков, достижения ранее поставленных целей и намерений. На самом деле уловить это плановое начало трудно на фоне постоянных и вынужденных колебаний, импровизации, нерешительности, изменяющейся политической конъюнктуры, вероятностной и многофакторной природы самих революционных событий. Более определенной кажется важная роль партии большевиков в кульминации плебейской революции [Reiman 1976: 14].

Тезис четвертый. Как восстание низов Октябрьская (плебейская) революция разрушила громадное число продуктов модернизации (европеизации), витальных для российской (советской) истории, которые пришлось позднее восстанавливать на новых основах [Reiman 1976: 19].

По этой причине в политическую жизнь страны вошли архаические нравы, привнесенные управленцами послереволюционного призыва (которых Т. Шанин назвал «крестьянскими сынами»). Более точно: их представляли на ранних стадиях большевики-подпольщики, группировавшиеся вокруг Сталина в 1920-е гг., а затем и выдвиженцы 1930-х гг., пришедшие к власти в результате партийных чисток. Русской (советской) культуре тех лет нечем было отгородиться от автократии, готовой контролировать мысли граждан, умеющей только удерживать власть в опоре на «тайную полицию» и не терпящей никакой конкуренции (оппозиции). Альтернативные методы управления автократам были неведомы.

Этот процесс упрощения, примитивизации, редуцирования управленческих идей до уровня средневекового принуждения нашел свое отражение в документах партии тех лет, а именно: в резолюции по «Организационному вопросу», принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 г., и в резолюции «О единстве партии», принятой X съездом РКП(б) в 1920 г. Оба документа посвящаются тому, что современный гражданин России назвал бы созданием вертикали власти путем централизма и партийной дисциплины, которые тогда должны были обеспечить авангарду пролетариата «полное господство в современных государственных организациях»: «Партия находится в таком положении, когда строжайший централизм и самая суро-

вая дисциплина являются абсолютной необходимостью. Все решения высшей инстанции абсолютно обязательны для низших. Каждое постановление должно быть прежде всего выполнено, и лишь после того допустима апелляция к соответствующему партийному органу. В этом смысле в партии в данную эпоху необходима прямо военная дисциплина. Все предприятия партии, поддающиеся централизации (издательства, пропаганда и пр.) должны быть в интересах дела централизованы» [Восьмой съезд РКП(б) 1954: 444].

Еще один путь пролегал через единство и сплоченность партийных рядов, опираясь на которые следовало обеспечить полное доверие между членами партии и дружную работу, воплощающую единство воли авангарда пролетариата. «Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции» [Десятый съезд РКП(б) 1954: 528]. Съезд предписывал незамедлительно распустить все группы, образовавшиеся на той или иной платформе, строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого грозного постановления вело за собой безусловное и немедленное исключение из партии.

Парадигмы тотального контроля, на которых построены эти документы, никогда не обновлялись. Их будут «свято» придерживаться и коммунисты послесталинской поры. Авторитарные принципы претерпели изменения в процессе возвышения Сталина до уровня вождя и учителя всех народов: сплоченность партии стала едва ли не племенной, преследование инакомыслия — не останавливающимся перед пытками и казнями; контроль над мыслями — тотальным. «С точки зрения культуры, сталинский режим был триумфом скрытых форм русской политической традиции, заглушенных было вестернизацией конца XIX — начала XX в., но мстительно ожившей, как только динамика революционного цикла позволила оглянуться назад» [Даниэлс 2011: 303].

Даниэлс пишет, что при Сталине имела место *своеобразная реинкарнация* старой России, хорошо описанная Л. Копелевым [Копелев 1982: 49]: «Вся внешняя и внутренняя политика, вся идеологическая, пропагандистская и воспитательная деятельность старых и новых сталинцев наглядно воплощает исторические закономерности, установленные Н. Бердяевым: “...в послереволюционное новое всегда входит самое дурное старое. Это иллюзия, что революция порывает со старым, оно выявляется лишь в но-

вом обличье. Старое рабство меняет одеяние, старое неравенство преобразается в новое неравенство” (О рабстве и свободе человекаюь. Париж, 1939)».

Те же горестно-справедливые мысли поэтически воплотил Максимилиан Волошин в своих историко-философских стихах и, в частности, в поэме, которая озаглавлена «Северо-Восток»: «Сотни лет жестоких страшных пыток, и еще не весь развернут свиток и не замкнут список палачей». Эти пророческие слова написаны в 1923 г.! И в той же поэме: «...бред охранок, ужас чрезвычайек... в комиссарах дурь самодержавья, взрывы революции в царях». Полвека тому назад поэт зорко и пронизательно усмотрел трагические закономерности родной истории. И не только он. Немногим позднее Анна Ахматова написала: «...жить в Кремле нельзя, преображенец прав! Здесь древней ярости еще кишат микробы: Бориса дикий страх, и всех Иоаннов злобы, и самозванца спесь взамен народных прав» [Копелев 1982: 49].

Сталинизм — это поворот от оптимистического революционного взгляда на человеческую природу, который требовал освободить человека от всех институтов принуждения через известный тезис марксизма об отмирании государства, к другому, пессимистическому взгляду, восходящему к русской традиции и предлагавшему наказывать, карать, подгонять человека, что было под силу только всемогущему государству. Вектор принуждения действовал во всех сферах жизнедеятельности общества. Новая номенклатура, пришедшая на смену кадрам, репрессированным во время чисток, была ревностным носителем, адептом этих формул обращения с человеком. Если объяснять сталинизм в терминах культуры, то придется признать, что «суть его — в комбинации, с одной стороны, идеологии оптимизма, интернационализма и технологического могущества, восходящего к эпохе Просвещения, с другой — глубоко мизантропического и параноидального отношения к человеческому материалу собственной страны» [Даниэлс 2011: 304].

Жестокий характер классовой борьбы и Гражданской войны, экстремизм действий, направленных против промышленной буржуазии, землевладельцев и оставшихся представителей элит, привел к тому, что страна лишилась большинства присущих ей культурных ресурсов западного типа. Эмиграция собственников, смещение элит со статусных позиций, физическое уничтожение «бывших» искореняли вестернизированный класс. Уцелевший вестернизированный контингент большевиков также был вырублен под корень в ходе чисток и впал в немилость правящей верхушки.

Видимо, борьба классов была и борьбой культур, когда носители старорусских культурных традиций — всё те же «низы» — выступили против наносного слоя вестернизации. Ценности необразованных масс стали господствующими в новом обществе, обозначив противостояние узкого отечественного склада мышления и аристократического космополитизма [Даниэлс 2011: 97]. Они распространили свое влияние не только на послереволюционный режим, поднявший на щит ценности пролетариата, но и на режим пострепрессивный, когда новые молодые руководители быстро выдвигались из необразованной среды, занимали посты (получив суррогатное вечернее или заочное высшее образование), а затем, старея, служили в советских учреждениях.

Эта пострепрессивная и плебейская элита была антиинтеллектуальной, ксенофобской, антисемитской и великорусско-шовинистической [Даниэлс 2011: 97]. Более того, даже прошедшие обучение (в дозволенных властью западных форматах) оказывались одновременно и прагматичны, и догматичны. Их свойствами были демонстрация обычаев и предрассудков, близких официальному православию, нелюбовь к свободной игре идей и искусству для искусства, неприятие независимого критического исследования, напыщенность суждений о важности философии Просвещения и о научной революции, поддержка традиций деспотической власти, прославление мудрости коммунистической партии-государства, выстраивание чиновных карьер по бюрократическим правилам, запрет собственным женам появляться на публике, поскольку они считали свою частную жизнь государственной тайной. Их революционный дух, если он остался, был нацелен на борьбу против иностранного влияния и ощущаемого (ими же) иностранного превосходства. С этим можно связать морализаторский накал, с которым советский режим официально отвергал любую форму частного капитала, видя, что за ним стоял чуждый образ жизни.

Так был создан прецедент, когда идеология и организация, привнесенные радикалами-большевиками, советскими коммунистами, продолжали долгое время служить следующим поколениям, препятствуя восстановлению вестернизированного социального слоя и создавая преимущества для невежественных элементов из социальных низов. Когда придет время, последние займут места западников в новом классе стратифицированной советской бюрократии, будучи мобилизованными на решение проблем революции. Именно они (под водительством Сталина) будут вынуждены продолжить экономическое развитие иными путями и способами, чем капиталистическая система, отвергнутая ими «с порога». Они же должны

были оправдать усилия режима в этом бесперспективном направлении, а также собственное привилегированное положение, опираясь на утопию, которая *a priori* никогда бы не воплотилась в условиях, заданных Октябрьской революцией! Страна оказалась во власти антимодернизма, сдерживавшего выход из плена прошлого, и в итоге даже в начале 1980-х гг. оставалась опутанной нитями старой политической культуры, возрожденной Сталиным **и сохранившей свою силу в период брежневского правления.** Эта культура поддерживала контроль действий человека вместо того, чтобы развязывать свободу слова и дела!

Глава 4. Хрущев, Брежнев и партаппарат

Создавая картины застойного периода, невозможно обойтись без рисовок власти партии-государства. В этом случае приходится отталкиваться от Сталина, диктатура которого не подлежала восстановлению. Ведь только он мог обеспечить преемственность своего правления путем объявления «наследника» и устранения всяких к тому препятствий, которые в этом случае могла воздвигать одобряющая все его решения среда, «выборщики» — члены Центрального комитета КПСС, часть из которых входила в состав высших органов партийной власти, таких как Политбюро (одно время — Президиум) ЦК КПСС и секретариат ЦК КПСС. Первый или Генеральный секретарь ЦК КПСС должен был иметь полномочия для назначения и распоряительства кадрами партийного аппарата, включая партийных секретарей областей, краев и республик. С их помощью он мог манипулировать составом комитетов и партийных конференций на местах, режиссировать съезды всей партии, обеспечивая единодушное, монолитное одобрение списка ЦК партии, который, кстати, он в основном сам и составлял. Композиция этого списка тщательно продумывалась как форма представительства (делегирования) наиболее важных для государства и партии должностных назначений (постов) и ко всему прочему была секретной, как и правила, по которым места в Ареопаге закреплялись за различными сегментами партийно-государственной машины. В итоге лидер партии (он же — Хозяин страны) мог контролировать весь круг власти в пределах системы и, по сути, диктовать состав ЦК, который на кульминационной стадии своего функционирования утвердил

бы его в качестве первого лица. Стоит повторить, что этот регламент был создан Сталиным и им же постоянно использовался всякий раз, когда открывалась необходимость обеспечить преемственность механизма «выборов» лидера партии и государства [Даниэлс 2011: 333].

Путь Хрущева к вершине власти через контроль над Секретариатом ЦК КПСС был, по сути, тем же, который открыл и прошел Сталин в 1920-е гг., когда его должность генерального секретаря партии стала исходным пунктом установления личной диктатуры над партией и страной. Когда Хрущев 13 марта 1953 г. ушел с поста первого секретаря Московского областного комитета партии и сменил Г. Маленкова на посту секретаря ЦК КПСС, он наследовал этим шагом весь корпус центрального и местного аппарата, секретарей, ставленников Сталина и Маленкова. Я пишу об этом, поскольку точно тем же путем придет к власти и Брежнев.

Исследователи доказывают, что Секретариат ЦК перешел в руки Хрущева только потому, что в представлениях видных членов ЦК партии он был человеком, которого менее всего боялись его коллеги по Президиуму ЦК КПСС. Чтобы достичь личного контроля над ситуацией в верхних эшелонах власти, Хрущев был вынужден взяться за опасную задачу — перестроить аппарат, но с участием новых людей, разумеется, лояльных ему. Он решил эту задачу достаточно успешно, создав тем самым гарантии для собственных властных амбиций и установления личного контроля над партийными организациями путем смещений и перемещений функционеров разного уровня, значительная часть которых теряла право голоса в ЦК, поскольку утрачивала посты (должности), дававшие им право на партийный ранг члена ЦК. Смена партийных секретарей в 1954 г. была единственным средством для того, чтобы обеспечить Хрущеву перевес над своим соперником — Маленковым, занимавшим первую в государстве должность — Председателя Совета Министров СССР. Любопытно, что в следующие полтора года, когда Хрущев «манипулировал» темой индустриализации страны для того, чтобы приблизить на этот раз отставку Маленкова с занимаемой им должности, он повел себя крайне осмотрительно в отношениях с партийными организациями. Замены, если они и были, означали продвижение должностного лица на более высокий пост. Осенью 1955 г., имея реорганизованный Секретариат ЦК КПСС, Хрущев решительно пошел вперед — сменил под разными предлогами дюжину секретарей обкомов партии, а затем в еще один десяток обкомов направил новых назначенцев в связи с переходом их секретарей «на другую работу» [Даниэлс 2011: 336].

Когда открылся XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), итог работы Хрущева по назначению новых секретарей обкомов партии был впечатляющим: новые назначения имели место в 38 из первоначальных 53 областей и территорий РСФСР плюс семь новых областей, «нарезанных» ради ослабления власти других секретарей в ряде районов страны! Руководители оставшихся 15 областей находились либо на периферии СССР, либо возглавляли партийную организацию в малозначимых областях, где секретарь согласно таблицы о партийных рангах мог стать только кандидатом в члены ЦК. Все перечисленные замены и смещения обкомовских секретарей «обеспечили Хрущеву политическую базу, позволившую начать процесс десталинизации, направленный против его соперников из прежнего руководства партии, и в конечном счете вызвать их на бой, который они не смогут выиграть» [Даниэлс 2011: 336]. Здесь уместно вспомнить кризис партийного руководства страны 1957 г., связанный с так называемой антипартийной группой (Маленков, Молотов и другие). Вызов Хрущеву бросило большинство Президиума ЦК КПСС, но он раздавил своих оппонентов как ореховую скорлупу, опираясь на помощь Секретариата ЦК КПСС и поддержку членов и ЦК КПСС.

Секретариат ЦК КПСС был для Хрущева главным исполнителем всех его политических начинаний и служил ему «верой и правдой», но до поры, когда события внутри партии начали складываться не в пользу ее лидера. К этому времени неосталинистское ядро Президиума ЦК КПСС — Брежнев, Козлов, Сулов — прервало, казалось, налаженный Хрущевым круговорот власти и забрало у него функцию контроля за назначениями. С этого момента его противники только усиливали свой контроль над партийным аппаратом, предоставив лидеру партии разбираться и вязнуть в хитросплетениях военно-политической стратегии страны. Исследователи допускают, что разрушение «круговорота власти» можно объяснить безрассудством, сумасбродностью Хрущева в последние годы его правления, когда он пытался переиграть неосталинскую оппозицию, сумевшую проникнуть внутрь механизма распорядительства жизнью партии и страны, внутрь системы, которую он реально не контролировал. По-видимому, и побежден Хрущев был все той же тактикой отставок и назначений, которая вознесла его на самую высокую ступень власти в советском государстве.

Странности власти и нечто, что за этим стояло, было трудно угадывать ввиду закрытости советской системы. Существовали две модели (тоталитарная и конфликтная) для описания подкованной борьбы на высших этажах власти [Даниэлс 2011: 359]. Первая исходила из предположения,

что едва новый лидер прочно утверждался на посту, как восстанавливался порядок и власть становилась неделимой и стабильной. Модель вторая предполагала, что за фасадом всегда продолжалась борьба либеральной и бюрократической группировок. Так или иначе, но смещение Хрущева по процедуре (в данном случае речь шла о выражении ему недоверия со стороны членов ЦК) было беспрецедентным. **«Был снят» означало, что отныне «будет снимаем»** [Даниэлс 2011: 360]. Значит, что и преемника (Брежнев) ожидает смещение тем же способом. В кругообороте власти произошла смена механизма: реальный контроль не переходил прямо к высшему руководителю, а перетекал от высших коллективных органов — по кругу — через партийную структуру. Высший руководитель теперь, после октября 1964 г., зависел от группы поддержки и отправлял на своем посту свои обязанности, будучи лишь первым среди равных. Доверие ЦК в целом теперь становилось определяющим.

По мнению Даниэлса, тогда при «импичменте» Хрущева решающую роль сыграла новая сила — что-то вроде *партиципаторной* бюрократии [Даниэлс 2011: 361]. Последняя отражала влияние «низа» (информация, советы, рекомендации, жалобы, проблемы должны направляться «наверх» — иначе высший руководитель, от которого сильно зависит жизнь организации, не мог принять обоснованного решения). В сущности, этим легитимировалось взаимодействие индивидуальных влияний, направленных как вверх, так и вниз. Именно ЦК в нашем случае был формой партиципаторной бюрократии, являясь органом, в котором его члены (партийные и государственные чиновники), а то и отдельные группы, обладали известной безопасностью, иммунитетом, влиянием и могли воздействовать на высшее руководство. В таких случаях все взаимодействующие стороны становились уязвимыми. Одновременно ЦК продолжал обеспечивать долевое представительство ведомств. Членство в нем опиралось на занятие руководящих *должностей* во властных структурах бюрократического государства: в партийном аппарате, в советах, в военных и прочих учреждениях от профсоюзов до академии наук¹⁹. Человек автоматически становился членом ЦК (строго определенного ранга),

¹⁹ ЦК был по существу собранием должностных лиц из разных профессиональных категорий: к 1970-м гг. это были 200 или более важнейших в стране должностей (члены ЦК); за ними следовали приблизительно 150 высокопоставленных лиц (в более низком ранге кандидатов в члены ЦК); затем еще 70–80 менее важных особ, занимавших места членов Центральной ревизионной комиссии (по мнению Даниэлса, это была категория для должностных лиц, не полностью соответствующих уровню Центрального комитета [Даниэлс 2011: 362]).

если занимаемая им должность предусматривала представительство в ЦК КПСС. Это было «железное» правило! Потому всякий, прочно сидящий в своем кресле, был уверен, что его невозможно лишить членства без того, чтобы уволить с работы, соответствовавшей уровню ЦК. Увязывание должности с рангом ЦК затрудняло теперь высшему руководителю (Генсеку) возможность перетасовывать и пополнять состав ЦК по своему личному усмотрению.

Вероятность переизбрания (избрания на новый срок) членов ЦК от съезда к съезду росла. На съездах партии при Хрущеве были переизбраны 63% и 50% членов и кандидатов ЦК, соответственно 80% и 78% — на первых двух съездах при Брежневем. То же можно сказать о стабильности состава брежневского Политбюро ЦК КПСС²⁰. Поддерживать высокую стабильность означало для Брежнева использовать общие принципы функционирования существующей бюрократической иерархии и не изобретать новый политический механизм. Одновременно Брежнев не принимал шагов для самоутверждения, кроме болезненной страсти к орденам и другим формам инспирированного «извне» признания. Скорее всего, потому, что не мог этого делать в условиях укрепления власти ЦК. Из этого следует, что его власть как высшего руководителя партии была жестко ограничена органом, для которого он являлся всего лишь избранным представителем своего электората.

Как орган, ориентированный прежде всего на поддержание контрольных функций, партийный аппарат имел тенденцию привлекать в свои ряды людей особого рода: энергичных, честолюбивых, не самых интеллигентных, не слишком принципиальных, готовых приспособляться к ситуации ради участия в осуществлении власти [Даниэлс 2011: 365]. В аппарате 1960-х гг. все еще преобладали люди, родившиеся между 1905 г. и Октябрьской революцией, те, кто поднялся «из низов» и после чисток занял освободившиеся высшие партийно-бюрократические позиции. Как правило, это были антиинтеллектуалы, декларативные приверженцы строгих партийных норм и поведения, люди мещанских взглядов. Они сохранили сталинскую привычку манипулировать идеологией, чтобы оправдывать все действия собственного режима, при этом требовали подчинения от рядовых членов партии, сами же официально декларировали единодушие. Они утверждали, что представляют высшую форму демо-

²⁰ Нельзя не заметить, что вышеприведенная картина стабильности состава высших руководящих органов партии ярко контрастировала с внутрипартийной борьбой и схватками в руководстве партии, последовавшими за смертью Ленина и Сталина.

кратии в мире, хотя сами же были причиной появления монолита тоталитаризма [Даниэлс 2011: 365–366].

Особого внимания заслуживает Центральный комитет КПСС как орган, представляющий руководящую партийную элиту страны. Уже упоминалось, что ЦК составлялся на основе элитных постов — партийных, государственных, военных должностей. Элитный статус избранного члена ЦК определялся его назначением на статусную должность в центральной или областной (республиканской) администрации. При этом каждая базовая структура (институция), чьи представители включались в состав ЦК, получала вполне определенное количество мест (в трех разрядах — члены ЦК, кандидаты в члены ЦК, члены Центральной ревизионной комиссии). Львиная доля «мест» принадлежала партийному и государственному аппарату (до 70%). Давила номенклатурная масса, требовавшая представительства в высшем органе партийной власти. Введение в состав ЦК было своеобразной охранной грамотой. Вывести из состава ЦК того или иного человека было нельзя, не освободив занимаемую им должность. Следовательно, если руководство партии желало продвинуть какую-то группу и ввести ее в состав ЦК, оно должно было позаботиться о том, чтобы задолго до съезда партии эти люди заняли видные посты соответствующего ранга (или такие, которые годились для обоснованного повышения их статуса).

Бюрократическая система в целом была инерционной и сопротивлялась слишком быстрым и внезапным переменам, особенно если они происходили в структурах, имеющих жизненно важное значение. Опасение столкнуться с политическими и практическими проблемами и тем более искать пути их эффективного решения толкало брежневское руководство на путь постепенных, не слишком броских кадровых изменений. «В этом, возможно, кроется институциональное объяснение стабильности брежневской элиты» [Даниэлс 2011: 379]. В каком-то смысле имело силу понятие заслуженного членства применительно к отставным лидерам, а также заслуженным руководителям отдельных предприятий, рабочим и колхозникам (в последнем случае явно для придания ЦК некоего подобия органа народного представительства).

Но представителей трудящихся было немного, в 1971 г. — 16 человек. Все, за исключением двух украинцев, представляли РСФСР. Четверо из них были директорами заводов (включая Магнитогорский комбинат, регулярно получавший место в ЦК); десятеро (из них две женщины) были рабочими в промышленности или в строительстве; и только двое, председатель колхоза и бригадир, представляли собой сельскохозяйственный

сектор [Даниэлс 2011: 374]. В любом случае их нельзя было отнести к влиятельным в государстве персонам и потому «на каждом съезде их спешили поменять на кого-то из товарищей, принадлежавших к тем же слоям общества, что было причиной текучести этих кадров, гораздо более высокого уровня, чем в Центральном комитете в целом» [Даниэлс 2011: 374].

Принципы ассоциирования с должностью, «достойной» быть представленной в ЦК, никогда нигде не публиковались. Наверное, это были секреты, усваиваемые интуитивно (экстрасенсорным способом) или в качестве неких сакральных тайн передаваемые изустно от одного высшего руководителя к другому. В таком случае можно говорить о применении обычного права. Добавлю, что составы групп внутри ЦК отражали не политическую конкуренцию отдельных лиц, а соперничество ведомств, борьбу и конфликты ведомственных интересов. Но это все происходило «под ковром» и редко выходило наружу. Ведь в конечном счете количество полученных («отвоеванных») позиций отражало место и престиж ведомства в партийно-государственной иерархии. Все описанные партийные механизмы власти работали без перебоев. Машина крутилась без остановки и аварий — кто надо, тот и приходил к руководству. Откуда этот автоматизм?

Стоит напомнить, что смерть Сталина знаменовала собой конверсию неограниченной диктатуры вождя и учителя народа в некое олигархическое устройство — власть узкой группы на этот раз не богачей или военных (генералов), а **ровесников**. Государство, невзирая на Отечественную войну и иные испытания, оставалось прочным и стабильным. Руководство страной отразило эту устойчивость *de facto* через примечательный поколенческий феномен — возрастные когорты, получившие в свои руки бразды правления страной прежде всего потому, что они выгадали (косвенно) от репрессий. Во-первых, уцелели, во-вторых, получили шансы на продвижение, карьерный успех, а затем стали группой, постепенно старевшей на своих постах, пока законы биологии не расправились с ней в 1980-е гг. Этот нетривиальный поколенческий феномен описан в книге Д. Хафа «Перемещения советского руководства» [Hough 1980].

Концентрация ровесников на разных уровнях послевоенного руководства страной говорит о том, что Сталин при назначении на посты жертв репрессий назначал молодых. Их взлеты в кадровом вакууме после чисток бывали молниеносными. Карьерный взлет Брежнева не самый впечатляющий, но все же за несколько довоенных лет и он прошел путь от инженера-производственника (выпускника рабфака) до секретаря обкома партии. Ранний отбор по принципу молодости стал основой стабильности

и неспешного обновления на уровне ЦК, которое советское руководство демонстрировало практически весь послесталинский период вплоть до перестройки. Особо важно сказать о низкой сменяемости советской бюрократии в промежутке между 1961 и 1981 г. Это одна из важнейших характеристик «застоя». Она с убедительностью будет выражена в суждении Даниэлса, которое я приведу дословно.

«В результате получается, что в среднем люди, находившиеся в ЦК с 1952 г. по 1981 г. (на протяжении без малого трех десятилетий), родились в интервале всего лишь четырнадцать лет, соответственно с 1904 г. по 1918 г., и биологически представляли собой одно поколение, ограниченное, так сказать, двумя указанными вехами. Это значит, что члены ЦК 1981 г. имели за плечами тот же самый опыт, что и последний сталинский ЦК 1952 г.: репрессии в отношении тех, кто был старше их по возрасту, когда они сами переходили из комсомола в партию; участие в индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства; участие в Великой Отечественной войне; вхождение во властную номенклатуру в то время, когда Сталин был жив и тиранил страну» [Даниэлс 2011: 386].

Естественные последствия интенсивного старения высшего руководства понятны. Происхождение, общий экзистенциальный опыт вели к порождению консервативных и защитных рефлексов, к бюрократической косности. Сталкиваясь с новыми проблемами, партийно-государственные чиновники сопротивлялись новшествам или саботировали их, цепляясь при этом за проверенные бюрократические методы и спасительные, по их мнению, идеологические формулы [Даниэлс 2011: 386–387]. Должностное или статусное представительство было и осталось консервирующим элементом советской системы, оно вело к политическому долголетию пострепрессивного поколения, которое не надо путать с политическим бессмертием, ведь никакие изменения в Политбюро или в ЦК не были возможны без смещения персоны и лишения ее бюрократического поста.

В отсутствие репрессивного сталинского режима мгновенное изъятие руководящей фигуры привело бы к образованию противодействующей коалиции в лице аппаратчиков и власть лидера могла бы оказаться под угрозой. Выходит, что проще было дожидаться, когда нужные персоны уйдут в иной мир или впадут в старческий маразм. Консенсус трех уровней в период брежневского правления (генсек, политбюро как высший слой партократии, широкий круг правящей бюрократии на уровне ЦК) был лучшим средством сохранения статус-кво. Этот консенсус вел к учету, представительству и уравниванию интересов ведомственной

(отраслевой) бюрократии, которыми на деле более всего продолжали руководствоваться, прикрываясь для приличия главенствующей ролью партии и партийными решениями. Собственно говоря, это и было формой партиципаторной бюрократии [Даниэлс 2011: 395]. Несомненно одно: власть все-таки как-то перемещалась от отдельного лица к группам, и с самого верха — вниз, однако в форме тенденции, меру которой было трудно установить.

Смерть Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева в ноябре 1982 г. обозначила уход с политической арены целого поколения, доминировавшего в высшем руководстве страны. Время все-таки наступало этих «пострепрессивных» наследников сталинизма по мере того, как смерть и старческая немощь открывали дорогу настоящей поколенческой революции в период горбачевской перестройки, невиданной со времен чисток 1930-х гг. Кризис, порождаемый биологическими пределами жизни, нигде не проявлялся так ощутимо, как в ситуации с Брежневым — высшим должностным лицом в партии и государстве. Передача его функций сначала одному (Андропов), а затем другому лицу (Черненко), представлявшим старшие поколения партийцев, была сведена на нет смертью обоих и в конечном счете способствовала приходу лидера, который был на 20 лет младше своих покойных предшественников.

Глава 5. Четыре советских поколения: формирующий опыт²¹

Едва ли найдется общество, на которое обрушились такие опустошающие удары по населению и государственному устройству, как те, что вынесла Россия в первой половине XX в. Естественно, что эти удары пришлось прежде всего на элиты имперской России. Репрессии, террор, эмиграция, принудительное выдворение из страны имели своим следствием невозможные утраты образованных слоев населения. Политические чистки также были направлены против элит, рабочая и кре-

²¹ Переложение главы 3 из книги Д. Хафа «Советские лидеры в переходный период» (*Hough J. Soviet Leadership in Transition. Washington DC: The Brookings Institution, 1980. Ch. 3. The Four Generations: The Formative Experiences. P. 37–50.*)

стьянская масса понесла относительно меньшие потери. Они затронули верхние слои (эшелоны) советских политиков, администраторов, военных, хотя среди них было множество сторонников Сталина, поддержавших вожда в период борьбы с оппозицией в 1920-х гг. 75% из тысячи самых высокопоставленных руководителей страны погибли или были смещены со своих постов [Hough 1980: 39]. Чем выше пост, тем вероятнее расправа! А ведь не только смерть, но и понижение в должности оборачивалось потерей «мозгов», способных руководить жизнью страны. В ходе чисток «выметались» тысячи активных людей, обеспечивших победу Октября и в Гражданской войне. Кто пришел им на смену? Ответ (по Хафу) состоит в следующем:

(1) Поколение Брежнева (когорты 1900–1909 гг. р.) [Hough 1980: 40–48]. Базовые характеристики когорт всегда определены временем их формирования. Поколение Брежнева пережило большинство главных событий российской истории XX в. Люди, родившиеся в 1906 г. (год рождения Брежнева), живо напоминают Россию того времени. Например, тогда родились 6,2 млн детей (95% в деревнях). 1,8 млн из них не дожили до конца первого года после своего рождения, а еще 800 000 — до пяти лет. Старшие по возрасту представители этого поколения получили свое образование в царское время, самые младшие — после революции. В целом это было плохое образование. Среди родившихся в 1906 г. (средний для поколения год) 25% мужчин и 50% женщин к своему двадцатилетию оставались неграмотными. Так или иначе, но часть из них попала под обучение в ходе ликвидации безграмотности в стране. Семилетку завершили к 1939 г. только 12%. В 1959 г. 61% родившихся в 1906 г. имели за плечами лишь начальное образование (три года и менее)²².

Поколение Брежнева рано начало работать, что было чертой традиционной жизни, усиленной обстоятельствами Первой мировой войны. Детям пришлось восполнять рабочие руки отцов и старших братьев, ушедших воевать. Жители городских поселений страдали от этого меньше. Однако под влиянием событий гражданской войны часть горожан вернулись в деревню, чтобы пережить трудную годину. Старшие представители поколения отбывали воинскую повинность — воевали на стороне «красных» или «белых». Но наибольшая доля их по-прежнему работала на земле, испытывая на себе попытки партийных активистов, как правило,

²² Хаф ссылается на книгу известного советского демографа Б. Урланиса (*Урланис Б. История одного поколения. М.: Мысль, 1968*).

посланцев города, изменить их отношение к церкви и к частному (единоличному) ведению крестьянского хозяйства. Множество крестьян уходило в города насовсем (или сезонно).

В поколении Брежнева обозначатся **три** подгруппы. **Первую** подгруппу составят представители когорты этого поколения *без специального образования*, со склонностью к политической работе. Молодые командиры и комиссары, участники гражданской войны, новые советские служащие. Их заметили и поручили им руководящую работу. В эту же подгруппу политически активных вошли рабочие новой волны партийцев после смерти Ленина (ленинский призыв в партию). Независимо от мотивов (идейных или прагматических) часть этого пополнения партии явно почувствовала, что членство в партии открывает им доступ к нижним уровням руководящей политической работы и административного распорядительства. Правда, им же пришлось столкнуться с препятствиями на пути к ступеням карьеры. Власть в ту пору была в руках большевиков, вступивших в партию в предреволюционные годы и взявших на себя тяжесть участия и ведения гражданской войны. Еще один барьер — открытая конкуренция со сверстниками-рабочими, окончившими техникум. Пролетаризация образования поможет им преодолеть этот барьер. Позднее, когда придет конец политическим чисткам 1930-х гг., нанесшим непоправимый урон старшим поколениям — участникам Октябрьской революции, и настанет пора индустриализации страны, обнаружится, что источники пополнения кадрами, способными руководить промышленным развитием страны, отсутствуют.

Политическая преданность коммунистической власти — самая видная черта этой первой подгруппы. Не случайно ее представители пойдут во власть и составят основной резерв для выдвижения на работу в низовом партийном аппарате (особенно в сельскохозяйственных зонах страны). 1940–1950-е гг. — стартовое время их доминирования на выборных должностях секретарей обкомов КПСС (часто подкреплявшегося временным отъездом на учебу в системе Высших партийных школ в первые послевоенные годы по достижении сорокалетнего возраста).

Обратимся теперь ко **второй** подгруппе интересующего нас поколения, чьи представители смогли получить среднее, общее и/или профессиональное образование — например, окончить техникум в середине 1920-х гг., а позднее — институт. Не так много из них могли подняться до высших постов, как это сумел сделать Г. Маленков, главный подручный Сталина по партийным делам в конце его правления. Самостоятельно полученное образование в области общественных наук ценилось определен-

ным образом, оно помогло карьерному росту М. Сулова, ставшего главным идеологом партии в 1960–1980-е гг.

Первая и вторая подгруппы окажутся в фокусе интересов партии, связанных с созданием новой коммунистической элиты. Начало этому процессу было положено Лениным, который всегда связывал работу на иерархически важных постах с членством в Коммунистической партии. Бесспорное требование для того, чтобы занять политический пост (быть коммунистом), быстро распространилось еще при жизни Ленина на административные должности в государстве. Существовало стойкое убеждение, что только в этом случае назначенец сможет стать *руководящим* лицом, а в противном случае окажется *руководимым*, подпав под неизбежное влияние беспартийной массы. Так или иначе, но селекция кадров всех видов находилась в плену этой идеологемы, которая тщательно охранялась от эрозии и компромиссов лично Сталиным, ревностно вмешивавшимся в процесс формирования властвующей элиты страны. Забота о создании «советской производственно-технической интеллигенции» стала сталинским лозунгом 1920–1930-х гг. Несомненно, что первое по своей темпоральности поколение, которое должно было стать материалом строительства коммунистической элиты, было поколение Брежнева. С него, как выходящего на политическую, производственную, гражданскую арену советского общества, началось конструирование партийной элиты. Иначе «бывшие» могли легко вернуть себе место в обществе, которого его насильственно лишили. Ведь «подчиненные» были лучше образованны, что делало контроль над ними со стороны необразованных начальников сомнительным.

Третья подгруппа — рабочие, часто без аттестата о завершенном среднем образовании, которые поступили в вуз (прием 1928–1931 гг., выпуск 1931–1936 гг.). Хаф назовет ее подгруппой первой пятилетки (*subgroup of the first five years plan*). Рабочее происхождение стало основной ценностью. Особенно важными в среде красных студентов были те, кто предназначался для политической карьеры. Они по-прежнему демонстрировали свою политическую активность в ущерб овладению знаниями, не брезгуя возможностью выпросить высокую оценку или зачет у преподавателя. Во время чисток эти люди продвигались с загадочной скоростью, в 1937–1939 гг. данный процесс был приостановлен, а затем вновь последовала пора неожиданных назначений. Д. Устинов (член брежневского Политбюро), окончивший институт в 1934 г., в 1940 г. стал Народным комиссаром вооружения в возрасте 34 лет. А. Косыгин (еще один член брежневского Политбюро) был назначен Народным комисса-

ром текстильной промышленности в 1939 г. в возрасте 35 лет, перед тем окончив институт в 1935 г. Сам Брежнев подошел к должности областного секретаря обкома КПУ лишь в 1941 г. Его сверстники по поколению (как и он сам), пройдя через фазу ранних назначений и выдвижений, имели заслуги в деле руководства экономикой предвоенных и военных лет, воевали на фронте. Именно они свыше четверти века и более держали командные высоты в советской партийно-административной системе в послевоенные годы.

(2) Поколение 1910–1918 [Hough 1980: 48–51]. Когорты политических и хозяйственных (административных) руководителей, родившихся в 1910–1918 гг., во многом похожи на своих предшественников. Однако Хаф подметил, что всякий, родившийся после 1910 г., не мог попасть в программу образования 1928–1933 гг. (в подгруппу первой пятилетки, которая была рассчитана на взрослых) и тем более не мог рассчитывать на сенсационное выдвижение в ходе чисток 1930-х гг. Первая мировая война повлияла на рождаемость поколения. Число родившихся в годы войны на 40% ниже, чем в период до 1915 г. Родившиеся до войны получали свое начальное образование в хаосе военных действий и после военной разрухи; родившиеся между 1915 и 1919 гг. — в мирное время. Недаром среди первых будет около 20% лиц с неполным средним образованием, а среди вторых — в полтора раза больше.

Особые и серьезные трудности возникли для этого поколения в трехлетие 1928–1931 гг., когда страна пыталась совершить большой скачок индустриализации в условиях неистовой политической борьбы за победу социализма в одной отдельно взятой стране. Культурная революция к этому времени радикально изменила среднюю школу. Либеральные тенденции школьного образования, оставшиеся от дореволюционного периода, были подавлены. Школы приписали к промышленным предприятиям. Нужды и интересы производства стали управлять содержанием обучения, были развернуты знамена борьбы с буржуазным учительством. Но все же в 1931–1934 гг. власть передумала. Началось «отступление» — возвращение учебного процесса в нормальное русло, прекращение преследования преподавателей, изменение правил поступления в высшие учебные заведения. Теперь они стали доступными для детей из семей интеллигенции и служащих, а не только для молодых людей пролетарского происхождения. Традиция 1920-х гг. (ее печатью отмечено поколение Брежнева) состояла в том, что вступление в партию предшествовало поступлению в высшее учебное заведение. В 1930-е гг. положение изменилось. Представители

1910–1918 гг. рождения вступали в партию **после** окончания высшего учебного заведения. Этим обстоятельством можно объяснить важность института кандидатов в члены партии, которые в течение определенного срока (кандидатский стаж) должны были доказать не только словом, но и делом свою преданность ВКП(б).

(3) Поколение военных лет (1919–1925) [Hough 1980: 51–56]. Все родившиеся в этот период остаются сильно задетыми трудностями военного времени (1941–1945 гг.). Пора взрослости для этих людей наступила перед самой Второй мировой войной или во время нее. Они были слишком молоды для того, чтобы приобрести специальное образование, а затем вложить его в военную промышленность вместо того, чтобы служить в армии и воевать. Хаф причислит к этому поколению людей, родившихся в 1916–1918 гг., с неопределенной карьерой накануне войны, но оказавшихся командирами или политработниками на фронте, а затем продолживших армейскую службу в послевоенное время. С другой стороны, люди 1923–1925 гг. рождения, мало воевавшие (не участвовавшие в военных действиях по причине ран или заболеваний или оказавшиеся на фронте в последние месяцы), Хафом будут отнесены к послевоенному поколению, особенно если они поступили в вуз после демобилизации.

Два фактора осложнили жизнь выживших после войны. Влияли масштабы разрушений и дефицит рабочей силы, в итоге ветераны шли работать, а не учиться. Второй фактор — убежденность власти в том, что для руководящей работы более всего подходит техническое образование, а не гуманитарное. В руководящей элите преобладали инженеры всех мастей и агрономы. Многие представители брежневского поколения были еще молоды в послевоенное время, и большинство из них (те, кто работал в тылу на предприятиях оборонной промышленности или руководил сельским хозяйством) после войны продолжили свои занятия. Ранее полученное образование было здесь им в помощь. Люди из поколения военных лет сражались на фронте, получить дипломы о высшем образовании они не смогли. Поэтому ветеранам достались не столько руководящие посты, сколько чисто производственные места или должности на подступах к высокому руководящему положению, далекие от партаппарата и правительственных органов. Это — идеологическая работа, профсоюзы, торговля, легкая и пищевая промышленность. Те, кто вернулся к работе в сельском хозяйстве и сельской местности, не могли конкурировать с дипломированными специалистами, руководившими этими сферами в годы войны.

Впрочем, многие из ветеранов и не стремились получить техническое (приоритетное для власти) образование. Война выветрила у них математическую подготовку, сделала их неконкурентными с молодыми людьми, заполнившими вузы после войны. Ветераны «завоевали» скорее гуманитарную сферу (история, педагогика, общественные науки, дисциплины, преподававшиеся в партийных школах) плюс правоохранительные органы, суды, прокуратура. Их возможные должности в партийном аппарате были связаны с идеологической работой, а не с общим руководством жизнью областей и регионов, что, соответственно, уменьшало шанс войти в число руководителей первого ранга (первые секретари, председатели областных и городских советов крупных городов, руководители основных отраслей народного хозяйства).

(4) Послевоенное поколение (родившиеся после 1925 г.). Это поколение включает в себя тех, кто прервал обучение вследствие войны и ушел на фронт. Но граница между военным и послевоенным поколениями условна до известной степени. Раненый воин мог быстро вернуться, продолжить свое образование и тем самым войти в состав послевоенного поколения. Стандарты образования сильно повысились перед войной — в частности, среднее образование подтянулось к высшему. Поступление в вуз по новым правилам было селективным, стандарт высшего образования заметно возрос, явные компромиссы и преимущества рабочего происхождения исчезли. Стало доминировать дневное обучение. Снизилась доля тех (среди родившихся в 1930 г.), кто работал до поступления в высшее учебное заведение. Значение «рабочей закалки» явно упало. Тот же Горбачев, которого советская пресса представляла как потомственного помощника комбайнера, на самом деле занимался этим трудом во время летних каникул.

Основные перераспределения тенденций надо связать с особостью интересов детей уже сложившейся советской элиты. Они заметно пополнили ряды научных работников. Имели значение воспитание и социализация поколения в условиях относительной свободы и в благоприятной для образования общественной атмосфере. Повысилось число случаев отказа от канонов догматического марксизма-ленинизма. Правда, это не указывает на падение уровня единодушия советского общества и на разрывы поколений, скажет в заключение Хаф.

Развивая идеи поколенческой истории и поколенческого анализа, можно сделать важные выводы. Два первых поколения могут быть объединены понятием «расширенного поколения» (*“extended” generation*), ко-

торое выйдет за пределы формальных возрастных границ в силу чувства взаимной солидарности, одинаковости жизненного опыта и миропонимания, общности осознания действительности. В советское время оно будет исполнителем сталинской коллективизации, сталинской индустриализации, так называемой внутрипартийной борьбы и «ежовщины» 1937 г. Результатом стала новая партийная элита «сталинцев», определившая и характер советского общества, и его кризис, и падение. Нет сомнения в том, что борьба за власть и место под солнцем пролетарской и крестьянской молодежи времен гражданской войны и 1920-х гг. и реализация ее мечты, связанной со «второй революцией», направленной на этот раз против старых кадров и «крестьянской» косности собственных родителей, сыграли важную роль в сталинизации страны. Ей (молодежи) грубость сталинских простых фраз и жестокость действий были куда более понятны, чем то, что говорили представители «великого революционного прошлого». Это стало особенно заметно в условиях, когда полуграмотные кадры быстро делали головокружительные карьеры [Отцы и дети 2005: 33–34].

Конструирование новой советской элиты началось с компенсации дефицита образованности, который был отличительной чертой пролетарской и крестьянской массы. Не обошлось без коррекций образовательной политики. Техническое (инженерное) образование стало приоритетным, оно вытеснило гуманитарное на периферию, особые меры были приняты к тому, чтобы изменить социальную структуру студенческой массы. Но эти слова лишь частично отразят насильственную переделку системы образования, на которую «ничтоже сумняшеся» пошли новые хозяева советской России.

Литература

Амальрик 1991 — *Амальрик А.* Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? (Амстердам, 1978. 3-е издание) // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 643–674.

Восьмой съезд РКП(б) 1954 — Восьмой съезд РКП(б). Резолюция по организационному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть первая. 1898–1924. М.: Госполитиздат, 1954. С. 441–447.

Даниэлс 2011 — *Даниэлс Р.В.* Взлет и падение коммунизма. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011 (серия: «История сталинизма»).

Десятый съезд РКП(б) 1954 — Десятый съезд РКП(б). Резолюция о единстве партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть первая. 1898–1924. М.: Госполитиздат, 1954. С. 527–530.

Копелев 1982 — *Копелев Л.* Ложь победима только правдой // Kopelev L. About Thuth and Tolergance (О правде и терпимости). Khronika Press: N.Y., 1982.

Коржавин 1991 — *Коржавин Н.* Истоки и психология исторической задержки // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 6–14.

Левада и др. 1991 — *Левада Ю., Ноткина Т., Шейнис В.* Секрет нестабильности самой стабильной эпохи // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 15–30.

Отцы и дети 2005 — Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

XXIII съезд 1966 — XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1966.

Hough 1980 — *Hough J.* Soviet Leadership in Transition. Washington DC: The Brooking Instituton, 1980. Ch. 3. The Four Generations: The Formative Experiences. P. 37–50.

Keenan 1986 — *Keenan E.* Muskovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 15. No 2. P. 115–181.

Reiman 1976 — *Reiman M.* Spontaneity and Planning in the Plebian Revolution // Reconsiderations on the Russian Revolution. Cambridge, 1976. P. 10–19.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Борис Фирсов
Остановка движения страны (1964–1985 гг.)

Препринт М-52/16
Часть I

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 31.10.16
Формат 60x88 1/16. Тираж 100 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Эстровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**

